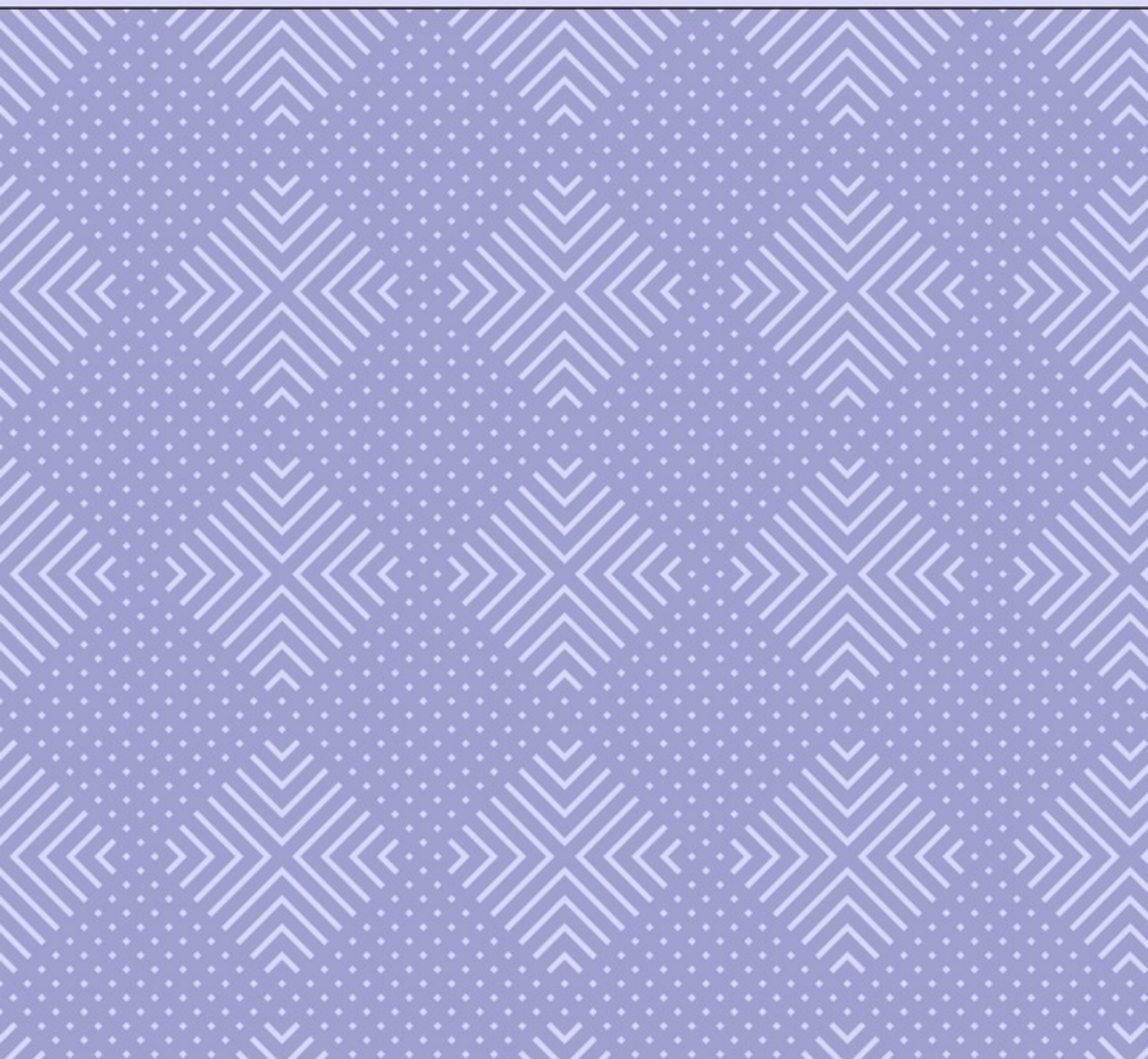

Людмила Козлова

ГОРБИ-2

Людмила Козлова

Горби-2

«Издательские решения»

Козлова Л.

Горби-2 / Л. Козлова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907565-9

Девятый том «Избранного» Людмилы Козловой — это современная российская проза — повести, написанные либо в реалистическом ключе, либо в стиле фантастика реализма, но всегда — с проекцией в настоящее время. Девятый том продолжает серию прозы «Мои романы с жизнью».

ISBN 978-5-44-907565-9

© Козлова Л.
© Издательские решения

Содержание

В БУХЕНВАЛЬДЕ	6
Глава 1. Кагатное поле	7
Глава 2. Артём	8
Глава 3. Перепетуум – мобиле	9
Глава 4. Дуван	10
Глава 5. Дуська и Варя	11
Глава 6. Матрёна и Николай, Зойка и Руслан	12
МОГУЩЕСТВО КУКЛЫ	14
Пролог. Муравейник трансформеров	15
Глава 1. Спаситель	17
Глава 2. Подземный город	20
Глава 3. Дворец вождя	22
Глава 4. Сновидения	25
Глава 5. Снова в первый класс	27
Глава 6. Неофиты	30
Глава 7. Тайный совет неофитов	33
Глава 8. На службе	35
Глава 9. Аудиенция номер два	38
Глава 10. Оцифрованная правда	40
Глава 11. Великая стройка	42
Глава 12. Хижины и дворцы	44
Глава 13. Разведка	46
Глава 14. Огнегривый Лев	49
Глава 15. Цербер	52
Глава 16. Отель «Чинчорро» и Кукла	55
ГОРБИ – 2	57
Глава 1. Вперёд – в прошлое!	58
Глава 2. Красноармеец	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Горби-2

Людмила Козлова

Редактор Н. М. Николаев

© Людмила Козлова, 2018

ISBN 978-5-4490-7565-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Девятый том «Избранного» Людмилы Козловой – это современная российская проза – повести, написанные либо в реалистическом ключе, либо в стиле фантастика реализма, но всегда – с проекцией в настоящее время. Девятый том продолжает серию прозы «Мои романы с жизнью»

Редактор и рецензент Николаев Н. М.

© Козлова Л. М., современная российская проза, 2018 г.

© Издательство «РИДЕРО», 2018 г.

В БУХЕНВАЛЬДЕ

(Короткая повесть)

Бухенвальд – это страна барачников, которая существует в каждом российском городе. Хотя, «страна» – громко сказано. Бухенвальд – всего лишь одна улица, грязная, длинная, не имеющая конца, не знающая начала.

Грязно-белый штукатурочный цвет – её гамма. Запах помойки и угольного дыма – её атмосфера. Бухарики – коренные обитатели.

Вонючие дворики с хлипкими сараями, где можно встретить кур, кроликов, собак, кошек и крыс – другая фауна здесь не выживает – её ячейки, расположенные причудливым гнездовым способом.

Но что улица... Вы сами сможете рассмотреть её щербатое лицо нищенки. В подвалах, как всегда вода из канализации, тараканы, вышедшие в подъезды на прогулку – в кухнях они не умеются из-за перенаселения. Богатые стихийные помойки за сараями, размножающиеся как живые существа, полуголые и зимой и летом дети, играющие на любимых помойках, шатающиеся мычащие фигуры, отдалённо похожие на людей – всё это легко поддаётся рассмотрению глазом.

Хуже с языком, на котором общаются бухарики – он понятен лишь коренным обитателям Бухенвальда. То, что «иностранцу» покажется набором возгласов, мата и мычания, для бухарика наполнено глубоким смыслом.

Утро, вечер или ясный день, суббота или понедельник, есть ли выпить и куда надо пойти, чтобы обрести вожаемое – всю эту информацию бухарик легко получит от первого встречного, пообщавшись с ним две-три минуты на родном языке.

Ещё труднее с внутренним обликом жителей Бухенвальда. Кому-то может показаться, что ничего подобного у бухариков не может быть. Как же он ошибается!

Внутренний облик – это как раз самая непостижимая вещь в Бухенвальде, но надо сказать, и самая интересная.

Из интереса-то всё и начинается. Интерес же возникает тогда, когда у живого существа появляется свобода. Бухарик в этом смысле не исключение, и свободы у него – хоть отбавляй!

Глава 1. Кагатное поле

С чего начинается свобода? Бухарик ответит однозначно – с кагатного поля. Может быть, вам это словосочетание ни о чём и не говорит. Совсем иное дело – бухарик. Он-то знает, ещё как знает, что кагат – бесплатная пища и выпивка для него, лакомство для его детей и кроликов. Кагат – витамины, углеводы, минеральные вещества, в общем, всё! Вся жизнь – кагат.

Для бухарика – это ёмкое слово из пяти букв – целая поэма. Советую вам посетить кагатное поле, но не днём. При солнечном свете это довольно унылое зрелище – длинные бурты мороженой сахарной свёклы бурого цвета. Присыпанные снежком, они тянутся безрадостно и однообразно с востока на запад – точно вдоль невидимых параллелей Земли.

Днём кагатное поле – собственность сахарного завода, и ничего примечательного в это время суток здесь не происходит. Совсем иное дело – ночь. В зыбком лунном сиянии кагат превращается в общественную ценность – почти драгоценность.

Каждый в Бухенвальде знает, что любой кагат разбит на «деляны». Деляна – личная собственность конкретного живого бухарика. На чужую личную собственность здесь никто и не пытается посягать. Это чревато...

В сумерках, сгустившихся до нужного предела, начинается полезная разумная деятельность бухарика. Она целиком посвящена освоению его личной собственности. За ночь несколько рейсов с рюкзаком, сумкой, санками – и семья обеспечена на сутки-двое и выпивкой, и едой..

Свёкла пареная, жареная, высушенная в цукаты, пироги со сладкой начинкой – чем не еда. Барда, сваренная из свёклы и заправленная дрожжами – будущий самогон.

Самогонный аппарат более или менее совершенный смонтирован и успешно используется каждой семьёй Бухенвальда. Самогон – валютный фонд бухариков. Самогон обменивается на всё – на еду, одежду, услуги. Кагатное поле и его продукт самогон – вечная гарантия свободы в Бухенвальде.

Куриль и пить жители Бухенвальда начинают одновременно с освоением родного языка. Чтобы убедиться в этом, стоит лишь оглянуться вокруг.

Глава 2. Артём

Вот важно шествует независимой походкой взрослого мужчины, засунув руки в карманы брюк, обтянув мускулистую попку, любимец Бухенвальда Артём. В зубах его дымится вечная сигарета. Ему всего четыре года, но ни в походке, ни в лице нет ничего детского. Глаза с прищуром смотрят в мир. Ноги уверенно несут его по знакомой улице.

Вдруг откуда-то, из другой жизни, выезжает ничего не подозревающий велосипедист лет семи-восьми. Одной секунды достаточно Артёму, чтобы оседлать багажник.словно дикая ловкая обезьяна, не знающая промаха в прыжках, он оказывается за спиной велосипедиста и тычками в спину, дополняя их возгласами на «родном» языке, пытается «пришпорить коня».

Мальчик-велосипедист кричит от испуга, налегая на педали к всеобщему восторгу юных жителей Бухенвальда, высыпавших на главную улицу для обозрения представления.

Артём кричит на родном языке угрожающе и восторженно, словно Тарзан в джунглях, встаёт на багажнике на ноги, держась за плечи велосипедиста, едет, стоя некоторое время и, наконец, резко оттолкнувшись, спрыгивает на ходу. От испуга и от толчка велосипедист теряет управление и падает вместе с велосипедом посреди улицы.

Свист, восторженные крики, визг – какофония сопровождает владельца велосипеда, пока он не исчезает из вида зрителей. Прокатиться на дармовщинку – любимое занятие Артёма. Своего велосипеда или хотя бы самоката ему не видать никогда – он обитатель Бухенвальда, восьмой ребёнок в семье, четверо из которых уже сидят в тюрьме.

Глава 3. Перепетуум – мобиле

А вон идёт ещё один любимец Бухенвальда – Боб Сергеич. Это уже совершенно взрослый, если не сказать более, член общества. Вчера ему исполнилось пятьдесят два года, поэтому он несколько не в себе. Это заметно даже издали – по траектории, которая выписывается при его целенаправленном движении.

Но оригинальная траектория – не главное.

Солнце теряется на небе, изморозь падает с проводов, рассеивается туман и грохочут грома небесные, когда появляется Боб Сергеич, потому что без него нет Бухенвальда. Договориться о ремонте квартиры, самовара, утюга, подбить каблучки, выточить нужную деталь, запаковать, заварить дырку, найти прокладку на кран, отремонтировать дореволюционный телевизор и многое, многое другое – всё это можно всего лишь за «пузырь». Боб Сергеич найдёт мастера, доставит вещь в нужное место, обеспечит качество и т. д. Самая уважаемая личность в Бухенвальде, однако, имеет и самую непритязательную внешность.

Бог не дал Бобу Сергеичу ни роста, ни мужественного подбородка, ни классического носа. То, что заменяет последнюю деталь, имеет сизо-красный цвет и весьма неопределённую конфигурацию. Кроме того «пузырь» часто сбивает с ног почтенного маэстро, отчего на лбу, висках, и прочих частях лица появляются ссадины и синяки. Но Боб Сергеич носит божьи отметины с терпением и стоицизмом, достойным философа. Да и сказать правду, никто уже давно не замечает новых украшений на лице Боба Сергеича, так как они возникают либо рядом со старыми, либо прямо на их месте, так что процесс протекает незаметно.

Глядя на маэстро, как не воскликнуть: «Чудны, Господи, дела твои! Не хлебом единым жив человек. Не родись красивым, а родись счастливым». Много-много мудрых мыслей приходит в голову при виде маэстро. Но одна из них затмевает все остальные: «Что есть красота, и почему её обожествляют люди. Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?»

Вечный двигатель, перепетуум-мобиле, работающий на смеси спиртов, полученных благословенным и древним методом, он – душа и сердце Бухенвальда.

Что они, эти плоские бараки, эти помойки и все свободные бухарики без Боба Сергеича? Просто пошлое собрание неодушевлённых предметов.

Глава 4. Дуван

Всмотритесь вперёд с зоркостью капитана дальнего плавания, и ваши усилия будут вознаграждены. Прямо на вас движется колоритная личность. Его шкиперская чёрная борода, красивая резная трубка, весёлый взгляд, отмеченный природной хитростью, его странное одеяние, похожее на морской китель – всё выдаёт в нём «морского волка».

Вы не ошиблись – этот человек пережил и штормы, и землетрясения, и минуты, когда костлявая заглядывала ему прямо в зрачки – семнадцать лет тюрем и исправительных лагерей. Эти испытания породили в нём жгучее желание воровать как все – то есть на месте работы, за что в отличие от вульгарных краж личного имущества, никто не страдает, если нет на то специального указания высшего начальства, что бывает весьма редко.

Выразительная краткая кличка говорит о нём больше, чем длинный рассказ о его достоинствах – Дуван. Иного имени он не имел, а это – единственное и ёмкое – вынес из тесного пространства тюремной камеры.

Этимология слова ведёт нас к определению «продувной», что значит пронырливый, хитрый. Продувная бестия – значит отъявленный плут, пройдоха. Ещё более дальние корни лежат в слове «продуть», что значит прочистить воздухом или в переносном смысле – проиграть.

В общем, этимология указывает на разнообразные и весьма определённые склонности и дарования Дувана. Обхитрить, объегорить, пронырнуть, прочистить чужие карманы, словно струёй воздуха, проиграть, продуть и т. д. – всё это случалось так часто и с таким постоянством, что имя Дуван навсегда приклеилось к его личности, слилось с ней.

Теперь Дуван – свободный гражданин Бухенвальда, примерный труженик сахарного завода с дефицитной и доходной специальностью – грузчик. Эта работа на первых порах повергла его в изумление и уныние – он с болью пожалел о годах, потерянных в тюрьмах, в то время как он мог работать грузчиком, имея приличный «левый» доход, стать за эти годы весьма состоятельным честным гражданином, но уныние продолжалось недолго. А изумление до сих пор написано на его лице, так как за один месяц работы на сахарном заводе он украл столько, сколько не смог за всю свою прежнюю продувную жизнь.

При этом он продолжал оставаться честным и благородным тружеником среди такого же честного и благородного коллектива.

– Ах, Дуван, брат Дуван! – говорит он себе. – Знать бы раньше об этом богатстве и мудрости жизни!

Дувана любит весь Бухенвальд, ведь этот святой человек, как Иисус Христос, честно отсидел по тюрьмам и лагерям как бы за всех тружеников, лишённых этой возможности искупления греха. Он отстрадал за всех, и все любят его бескорыстной любовью.

Глава 5. Дуська и Варя

Баба Дуня. Ну, это теперь она бабушка, а раньше была просто Дуськой. Любая жительница Бухенвальда знала, где можно найти исчезнувшего вдруг мужа.

Дуська не отказывала никому, тем более, что трое детей, никогда не знавшие своих отцов, каждый день хотели есть. Сердобольные же посетители кроме выпивки всегда принесли и закусь.

Да что раньше... Совсем недавно, когда Дуське исполнилось семьдесят полновесных, в шкафу у неё соседка обнаружила своего голого мужа, которого и побила, не тронув крестившуюся с испуга пожилую развратницу.

Главное занятие бабы Дуни, она же – Дуська, кроме названного, сбор и распространение информации или, проще говоря, сплетен. Кто умер, кто родился, женился и на ком, кто уехал, приехал в гости или поселился в Бухенвальде, от кого ушла жена и к кому, кого бросил муж, у кого сдох кот и почему, кто это видел и что говорит по этому поводу и так далее.

Всё это рассказывается каждому встречному громко и истерично. Руки бабы Дуни, она же – Дуська, при этом молотят воздух, словно лопасти ветряной мельницы. Возражать ей бесполезно – она всё равно не услышит. Глаза её бродят сами по себе по возбуждённому лицу, ноги от нетерпения временами как бы разворачиваются вправо или влево, и как бы сами бегут к следующему собеседнику – так Дуське не терпится распространить горяченькую информацию.

К вечеру выясняется, однако, что около восьмидесяти процентов рассказанного выдумано. Кем – это никогда не удаётся выяснить. Но сама баба Дуня наотрез отрицает своё авторство. Похоже, в ней умерли две великие личности – любвеобильная Анжелика и плодовитая писательница.

Бухенвальд без бабы Дуни, она же – Дуська, давно захирел бы от информационного голода, ведь газет, книг и прочей полиграфической продукции здесь не держат, во-первых, по причине безденежья, во-вторых, по причине безудержного воровства. Газета в почтовом ящике не пролежит и минуты после ухода почтальона.

Когда Дуська встречается посреди главной улицы Бухенвальда со своей соседкой Варей, это надо видеть, так как словами передать происходящее трудно, почти невозможно. Варе тоже семьдесят, но она в такой поре находится, кажется, уже лет сорок – засохнув, как вобла, искурившись до черноты, Варя не меняется от времени.

Варя и Дуська могут часами стоять на улице и, отчаянно молотя руками, абсолютно независимо друг от друга выкрикивать, бросать друг в друга причудливые информационные блоки.

Иссякнув, каждая из них побежит в свою сторону, но при встрече с очередным объектом (приёмником информации) происходит как бы взрыв «сверхновой».

Иногда между «звёздами» случаются звёздные войны – Варя и Дуська подолгу не разговаривают. Причиной может быть любой пустяк, например, Варина курица на Дуськиной территории. В эти мучительные для «звёзд» периоды не происходит полной информационной разрядки, хотя каждая из них бегаёт по Бухенвальду и разносит информацию, то бишь, сплетни. Но апогей этого процесса – интенсивный обмен авторскими блоками – не реализуется, поэтому информация накапливается и у Вари, и у Дуськи, переполняет их кладовые сплетен. И в один прекрасный день всё равно возникает светящаяся вольтова дуга, которая соединит две «сверхновых» на главной улице Бухенвальда.

Глава 6. Матрёна и Николай, Зойка и Руслан

Примечательна и трагична история этих четырёх людей, происшедшая в Бухенвальде на глазах у многих его жителей – сколь примечательна и трагична, столь и обычна для жизни бухариков.

Матрёна – родоначальница этого квартета – была подслеповата, рябовата, в общем, далеко не красавица. Сын её Николай и дочь Зойка отцов имели разных, но одинаково были не знакомы с ними. Зойка удалась на славу – симпатичная, живая, глаза словно черносливины, и способностями Бог не обидел – в школе училась нормально, не хуже других. А вот Николай... Его Бог настолько приблизил к себе, что Колька часто и надолго улетал на встречи со своим Отцом Небесным. Случалось это во время каждого припадка эпилепсии. Да и в перерывах между ними он тоже как бы отсутствовал на Земле, как бы наблюдал всё происходящее изда-лека.

Зойка после окончания школы вышла замуж за украинца который приехал на уборку урожая на Алтай на своём грузовике. Вернее, грузовик-то был государственный, а будущий муж Зойки работал на нём водителем, и ему поручили возить свёклу на пункт приёма – то есть на сахарный завод. Так и в судьбе Зойки свёкла сыграла решающую роль, что, впрочем, никого не удивило. В жизни бухариков свёкла всегда играла главную роль.

Зойка, не раздумывая, уехала на Украину и надолго исчезла из поля зрения Бухенвальда. Её часто вспоминали, особенно на праздниках за столом, рисуя картины счастливой Зойкиной жизни на тёплой Украине, в белой хате, окружённой яблонями, вишнями, сливами и цветами.

Колька же с годами всё чаще и чаще бился в припадках, и, наконец, сердце его не выдержало страшной нагрузки. Было ему двадцать три года, когда смерть прилетела за ним.

Зойка приехала на похороны со своим сыном Русланом, потом уехала, а Руслан остался с бабушкой. Учился он в это время в пятом классе. Вскоре выяснилось, что Руслан бабушку не слушается, как, впрочем, и учителей тоже. А через год он уже имел устойчивую репутацию хулигана.

Зойка стала раз в год навещать в гости к сыну. Постепенно выяснилось, что на счастливой и плодородной Украине она пристрастилась к алкоголю, вернее к самогону. Ну, этим бухариков удивить было не возможно, поэтому Зойку никто не осуждал. Наоборот, во время её приездов мужики так и стекались на Матрёнин двор – поболтать за стаканчиком самогона, покрасоваться перед Зойкой и попользоваться её добротой и безотказностью.

Однажды, когда Руслан уже закончил школу, Зойка приехала в очередные гости, да так и осталась в родном Бухенвальде. Потом она сама и рассказала, что украинский муж выгнал её, запретив возвращаться, так как самогон стал любимым и ежедневным напитком Зойки. И бороться с этим она не собиралась.

Жили Матрёна, Зойка и Руслан неважно. Зойка не могла работать, так как не могла про-трезветь, а Руслан вот-вот должен был уйти в армию. Так что жили они на Матрёнину маленькую пенсию и за счёт урожая с огорода, который сажала, полола и убирала, в основном, одна Матрёна.

Руслан отслужил в армии, вернулся, но это событие ничего не изменило в их жизни. Работать Руслан не собирался, стали поговаривать, что он занимается воровством. Зойка беспробудно гуляла, меняя мужей, которые подолгу не задерживались. Она постарела буквально на глазах. Постепенно число мужиков уменьшилось, а потом их не стало совсем. Зойка запыла с тоски, да так, что почти перестала выходить из дома – не могла держать равновесие.

Матрёна одна вела немудрёное хозяйство, которое и спасало всё семейство от голода, но силы постепенно убывали. Подслеповатые глаза видели всё хуже и хуже. Здоровье Матрёны

совсем пошатнулось, когда однажды утром обнаружила она свою дочь уснувшей навеки около самогонного аппарата. После смерти Зойки всё в семействе пошло на убыль.

Руслан совсем перестал бывать дома, промышляя средства для жизни где-то на стороне. Особенно плохо стало с наступлением холодов. Матрёна не смогла поменять на зиму батарею, которая от старости перестала выполнять свою роль. В доме холодало вместе с понижением температуры снаружи. Матрёна прибегла к помощи самогона, добыв на энное его количество самодельный обогреватель, в просторечии «козёл». Этот прибор, в считанные минуты раскалявшийся добела, и спасал Матрёну от холода.

Но пути Господни неисповедимы. Плохо видящие глаза подвели Матрёну – однажды она не заметила, как прикоснулась к открытой спирали своим засаленным фланелевым халатом. Халат вспыхнул мгновенно, воспламенив кацавейку, надетую поверх него. Матрёна от боли и дыма быстро потеряла сознание, упав прямо на раскалённый «козёл».

Когда соседи, заметив дым, валивший из окон, ворвались внутрь, было уже поздно. Удалось спасти лишь стены и кое-что из утвари. Руслан, оставшись один, продал приватизированный «курытник», в котором он вырос, и более не появлялся на прежнем месте.

Слухи же о его «подвигах» – грабежах и кражах – время от времени долетали до ушей его бывших соседей. Потом исчезли и слухи. И, наконец, пришла последняя печальная весть – Руслана нашли убитым – не просто убитым, а уже похороненным в старой бане.

Труп его был изъят милицией и после положенного расследования казённым образом похоронен, ибо родственников на этом свете у Руслана не осталось

Эта история как нельзя более полно и представляет судьбу жителей Бухенвальда. История многих семей в этой свободной кагатной республике в тех или иных вариантах повторяет судьбу Матрёны и её потомства.

Сколько их, таких Бухенвальдов, ещё существует в больших и малых городах, пригородах и весях огромной нашей страны. Самое печальное то, что Бухенвальд вечен, так как обречён воспроизводить и повторять себя в своём потомстве.

Бухенвальд не укладывается в Историю Ветхого Завета, ибо здесь Артём родит Артёма, Боб Сергеич родит Боба Сергеича, Дуська родит Дуську, а Матрёна – Кольку, Зойку и Руслана, которые в совокупности и есть сама Матрёна.

МОГУЩЕСТВО КУКЛЫ

или ВИРУС «ravor vulgaris»*
(Повесть-размышление.)

Примечание: ВИРУС «ravor vulgaris»* – вирус страха обыкновенного (лат.)

Пролог. Муравейник трансформеров

Есть такой психологический феномен – на волне страха заложник начинает помогать террористу, жертва содействует палачу, преступнику. Если речь идёт о кровавом режиме, подобном мясорубке гаитянского диктатора Дювалье, волна ужаса перетекает от одного субъекта к другому, охватывает огромное человеческое поле, и возникает массовое единение жертв с палачом-диктатором. Так создаётся устойчивая система – молох, машина смерти. Это именно – машина, которая начинает действовать по единой программе: страх – содействие палачу – готовность быть убийцей – готовность быть убитым. Общество становится единым, нерассуждающим муравейником, где всё происходит уже само собой.

Признаком слияния личностей становится тот восторг, который охватывает каждого при упоминании имени вождя. А ещё – подчинение всем его указам, постановлениям и решениям. О каком-либо критическом взгляде не помышляет никто. Только восторг, единодушие, следование генеральным идеям и ненависть к любому несогласному. Насколько велика эта ненависть, ровно настолько бессмысленны и действия по отношению к несогласным. Репрессии, направленные на любого, кто умеет сказать пару слов – то есть непреодолимое желание машины управлять мыслями каждого человека – главная фантазмагория любого диктатора.

Восторг, проистекающий из чёрного родника ужаса, есть трансформированный страх. Это тот самый случай, когда противоположности легко смыкаются, перетекая друг в друга, совершенно не заметно для тех, кто подчинился, смирился – фактически, *трансформировался в другое существо*.

В этом и состоит феномен обожания вождя. Страх, сидящий глубоко в подсознании, не осмысливается людьми, но именно он управляет процессом. Вирус «*ravog vulgaris*» продолжает работать даже после смерти вождя. Лохматое чудище по имени Страх – опыт, внедрённый в память не только мозга, но и каждой клетки тела. Опыт, записанный кровью. Более того, жертвы не только любят своего палача, но и хотят быть похожими на него во всём. Не понимая сути, неосознанно, жертвы желают быть убийцами или убитыми. И даже после раскрытия преступлений прежнего вождя, его рабы продолжают оправдывать кровавый культ.

Но тем самым они, прежде всего, оправдывают себя, своё внутреннее рабство. Внутреннее рабство – это добровольное согласие играть роль помощника, убийцы или убиенного. Ибо внешний гнёт (гнёт диктатора) может проникнуть внутрь человека, стать его сутью, только при личном участии и согласии на это. Такова анатомия любого греха, тот самый свободный выбор, который дан человеку свыше. Только Разум живого существа или его Бессознательное решают – впустить грех в себя, открыть дверь или оставить её закрытой. Совесть подсказывает – не открывать. Страх вопит – открой! Бороться бессмысленно! Ты всё равно ничего не сможешь изменить!

Жизнь и смерть – явления, накрепко связанные нитью страха. Кто-то не согласится с этим – скажет, жизнь ничего общего не имеет со страхом. Жизнь – это любовь, радость познания, удовольствия и прочие прекрасные вещи. Люди просто не хотят сознаться самим себе, что любовь к жизни часто есть лишь вторая сторона страха. Любовь ко всему материальному – к фактуре существования, как и любовь к диктатору, рождены, прежде всего, страхом смерти.

Хочу жить – значит, буду умножать богатство. Оно даст всё – пищу, одежду, защиту. И это кажется логичным, на первый взгляд. Но феномен в том, что неудержимое желание быть живым (потреблять, хватать, не отдавать!) заставляет человека выстраивать оборону, т.е. внутренне быть готовым убить или быть убитым. Однако надо сказать и о том, что всё это справедливо лишь для атеистов.

Многие из них, очень многие, прочтя это, начнут вопить, что они не такие, что любовь – великое чувство, противоположное страху. Что всё вышесказанное – просто бред, миром правит не страх, а любовь. Ну, что ж, бесы тоже радуются и любят. По-своему. Любят, и даже вполне искренне, пока это не угрожает их жизни или благополучию. Угроза непременно заставит их предать того, кого они любили минуту назад.

Предадут. Отдадут в руки любого палача. И найдут сотни оправданий для себя. Скажут – время было такое, оно диктовало всем – нельзя иначе! Хорошо, поступил бы я по-другому, и что? Что бы это изменило? По большому счёту – ничего! Не сегодня, так завтра. Не тот, так другой. А я – всего лишь человек, а не бог. Человек слаб, мал, он пылинка в огромном железном мире. В конце концов, я просто работал. Работа была такая! Всё это, конечно, правда, но не истина. Истина в том, что этот гражданин *сделал выбор*. Он выбрал роль убийцы. Но бумеранг всегда возвращается.

Иное дело – верующие. Имеющим веру в бессмертие, в Десницу Правды Божьей, трудно внушить страх. «Чего мне бояться, если Господь ведёт меня этим путём» – эта охранная грамота спасала и спасает многих в страшных лагерях, созданных карательной машиной атеистов. И не только в лагерях, но и в той звериной жизни, где господствуют сила и деньги. Верующие тоже сделали свой Выбор.

Я думаю, друг мой, ты и сам многое знаешь об этом, но история одного путешествия, рассказанная мне случайным попутчиком в вагоне скорого поезда «Сибиряк», возможно, расставит некоторые акценты и поможет осмыслить кое-что важное.

Глава 1. Спаситель

Когда мы с моим другом Веселином добрались до сердца Долины – в самом центре зыбучих песков Атакамы, поняли – мир, казалось бы, изученный до мельчайших подробностей, хранит таинственное и непознанное до сих пор. Выяснилось – в адовом царстве бродячих призраков-барханов живёт неизвестное науке племя людей. «Алинисты» – так называли они себя. Как это могло произойти? Не один-два человека, а целое племя с особым укладом жизни, не заметила ни одна дотошная экспедиция.

Мы давно путешествовали по миру, забирались в самые таинственные места – на вершины гор, достающие стратосферу; в ущелья, уходящие в инферно; спускались в каменные пещеры, где ревели первобытные воды Земли, но никогда не слышали о призрачном племени, поклонявшемся вождю Алину. Конечно, друзья мои, мы не могли пройти мимо. Увидеть их быт, обычаи, да хотя бы просто сфотографировать что-то – было бы большой удачей. Мы чувствовали себя первооткрывателями – аргонавтами, обнаружившими золотое руно. Ну, это фигурально выражаясь. Найденное сокровище, скорее, можно было назвать живым ископаемым.

Впрочем, причина неуловимости тайной цивилизации стала ясна – племя обитало во глубине катакомб под бродячими песками и легко скрывалось от любопытных глаз, как это могут, например, некоторые коралловые рыбы. Пустыня породила жизнь и хранила своё создание от внешнего вторжения. Пески могли убить чужаков, но ревностно оберегали «своих». Народные предания о подземных гоблинах, гномах и прочей нечисти, уже не казались нам сказкой.

Всё произошло благодаря Веселину. Он случайно забрёл в столпотворение скалистых изваяний – зубчатых скульптур, созданных природой. Ветер и потоки песчинок обточили их, сделали похожими на фигуры молящихся монахов. И вот среди этих каменных паломников Веселин увидел малыша. Мальчика ранил и придавил сорвавшийся с кручи осколок гранита. Ребёнок был без сознания. Губы его обметало жаром. Ещё немного, и случилось бы непоправимое.

Мы вдвоём подняли кусок скалы – осторожно и медленно – боялись навредить, причинить боль и без того пострадавшему мальчику. Бледное лицо ребёнка оставалось безучастным. Но теперь можно было определить – грудная клетка цела, пострадала правая рука и голова мальчика. Ему повезло – височную кость задело по касательной. Сквозного ранения удалось избежать.

В эту минуту бесценной оказалась походная аптечка. Веселин обработал раны перекисью водорода, перевязал по всем правилам первой помощи. Правда, «вторая помощь» не предполагалась – надеяться на появление медиков в пустыне не приходилось. Однако смутная надежда на то, что малыш не мог жить один в сердце бродячих песков, не оставляла нас.

Одежда его выглядела весьма просто – самотканый балахон из какой-то растительной ткани. Но эта непритязательная вещь имела искусные орнаментальные украшения, рассыпанные по верху и низу. Удивительно красив был пояс, схватывавший широкий балахон на уровне бёдер. Рядом валялась дудочка, вырезанная из ветки дерева. Поскольку в пустыне встречались иногда лишь заросли засухоустойчивой акации, то, скорее всего, музыкальный

инструмент был сделан именно из её древесины. Всё это говорило о том, что где-то поблизости должны обитать люди.

Для поддержания сил малыша Веселин ввёл ему малую дозу кордиамина. Через несколько минут еле заметный пульс мальчика выровнялся, стал устойчивым. А жаропонижающее сбilo температуру и восстановило ритмичность дыхания. Мы поняли – ребёнок спасён. Теперь можно было вздохнуть с облегчением. Всё сделано правильно – наши познания и навыки курса ОБЖ, ни много, ни мало, вернули человеку жизнь. И не просто человеку, а малышу, у которого всё ещё впереди.

Но что делать дальше? Вокруг на сотни километров – пески и скалы, изредка можно встретить лишь заросли кактусов. Почти лунный пейзаж, где едва ли ступала нога человека. Никаких признаков жилищ или хотя бы следов обитания людей. Ни звука, ни шороха, ни намёка на чьё-либо соседство. И всё-таки, не мог же наш малыш свалиться с Луны, как Маленький Принц. О том, что мальчик не спустился с небесных высот или каменных круч, а наоборот, поднялся из глубин планеты – такая мысль даже не забрезжила в наших просвещённых мозгах.

Мы знали, конечно, что продвижение на запад, приведёт нас лишь к пустынным берегам Тихого океана. В северном направлении от центра пустыни находились города Икике и Арика – «Северные ворота Чили». Высоко в горах на юго-востоке можно было добраться до Антафагаста и Паранальской обсерватории. Но всё это сотни и сотни миль, пройти их с раненым малышом на руках – нереальная задача.

Несмотря на это, мы радовались – щёки малыша порозовели. Вот-вот он должен был очнуться. Но что последует за этим? Найдём ли мы общий язык? Поймёт ли мальчик, что мы его спасители? А если подумает, что перед ним враги? Стресс может ухудшить его состояние. Как избежать такого поворота? Оставалось только ждать и надеяться на благоприятный исход.

И вот критический момент наступил. Малыш открыл глаза. Яркая синь полыхнула из-под ресниц. Пока не осознавая окружающего, смотрел отсутствующим взглядом в наши лица. Наконец, что-то изменилось. Мальчик понял, что видит незнакомых людей в странных одеяниях. Конечно, походная амуниция, так не похожая на его балахон, могла удивить. Да и наши обветренные физиономии разительно отличались от его смугло-золотистого индейского типа лица с ярко-синими глазами. Было ясно – пришельцев, подобных нам, малыш видит впервые.

Мы улыбались изо всех сил, стараясь продемонстрировать благожелательность и любовь. Наши усилия оказались не напрасны – мальчик не испугался. Это уже было большой удачей. Веселин рискнул заговорить. Придав голосу как можно больше нежности и участия, спросил:

– Как тебя зовут, малыш? Я – Веселин, – указал он на себя. – А ты?

И произошло чудо – мальчик улыбнулся.

– Дон Педро. Дон Педро, – повторил он несколько раз.

– Да ты дворянского рода? – удивился Веселин.

Малыш что-то быстро и горячо забормотал. Речь его напоминала испанский, но наши познания в языках были не так хороши, как хотелось бы в эту минуту. Однако ребёнок настойчиво продолжал говорить, указывая рукой куда-то вдаль.

Мы разом обернулись и увидели старика в плетёной травяной шляпе и таком же балахоне, как у мальчика. В руках старца блеснул длинный клинок.

Речь мальчика явно была обращена к этому воину-старейшине.

Мы стояли, выжидая, готовые в случае нападения защищаться. Я держал руку в кармане ветровки, где всегда на случай опасности приберегал газовый пистолет – хорошее оружие против диких зверей. Но и для защиты от людей – неплохой вариант. Веселин положил правую руку на рукоять кинжала, висевшего на поясе. Наши настороженные позы говорили сами за себя.

Старик моментально оценил обстановку и отправил клинок в кожаные ножны. Ясно было – сообщение мальчика помогло снять напряжение, сгладить ситуацию. Мы жестами и голосом, показали старику, что произошло, и как помогали малышу. Старик внимательно осмотрел повязки, обследовал руки и ноги мальчика. Что-то спросил у него. Мы решили – он хочет, чтобы наш юный дон Педро попробовал встать.

И, действительно, малыш с помощью старика поднялся на ноги. Они перебросились ещё несколькими фразами, скорее всего, выясняя самочувствие раненого. Старик обнял мальчика, погладил по волосам, осторожно прикоснулся к повязке. Потом оба обернулись к нам. Надо заметить – как мы ни старались уловить суть диалога, всё-таки не поняли ни слова. Разговор шёл на совершенно незнакомом языке. Это был не испанский, как показалось вначале. Объясняться пришлось только жестами и звуками. Осваивали этот язык по ходу действия, инстинктивно чувствуя, какой жест лучше передаст смысл наших речей, непонятных новым знакам.

Глава 2. Подземный город

Удивительное создание – человек. Не понимая ни слова, мы всё-таки уловили – старик благодарит нас и приглашает в гости. Но куда? Вокруг – лишь голые коричнево-серые скалы, бродячие жёлтые барханы, вдалеке – гнездо красновато-коричневых лохматых кактусов-гигантов. Солнце над головой, высокое белёсое небо без единого облачка. И никаких признаков жилья. Перекинувшись парой фраз, решили принять приглашение. Разве можно было отказаться после всего пережитого? Ничто так не сближает людей, как помощь и сочувствие в трудную минуту.

Старик, поддерживая мальчика, двинулся в сторону пологого слоистого бархана. Словно воскресший динозавр разлёгся этот песчаный гигант среди скальных выступов. Мы отправились следом за нашими проводниками. Каково же было наше удивление, когда старейшина-воин вдруг нырнул в песчаное чрево бархана и исчез прямо на глазах. Секунду назад стоял перед нами, и мгновенно пропал, словно кадр сменился на экране.

Мальчик тоненько засмеялся, глядя в наши вытянувшиеся лица. Потом указал рукой на складку в брюхе песчаного монстра, и проделал то же, что и старик. Не оставалось ничего другого, как последовать их примеру. В ту минуту фантастичность происходящего не насторожила нас. Наоборот, любопытство, как магнит, выстраивало ситуацию вдоль магнитных линий, диктуя направление движения.

Протиснувшись через «дверь», мы оказались внутри пещерного хода. Мальчик жестами уже призывал идти за ним. Узкий туннель в скалистых породах был явно природного происхождения. Когда-то, может быть миллионы лет назад, здесь пробивали себе путь подземные воды, неторопливо вытачивая слоистые причудливые фрески на базальтовых стенах и потолке. Люди приспособили инженерное чудо природы для своих нужд – и не только прагматических. Подземный туннель выглядел художественно-оформленным архитектурным сооружением.

В туннеле царил рассеянный свет, словно где-то были вмонтированы невидимые лампы. Когда глаза привыкли к полутьме, мы поняли – подземка освещается сидящими в орнаментальных складках базальта колониями бескрылых светлячков. Может быть, это были дикие стаи насекомых, может быть, их культивировали специально для освещения хода. Но призрачное сияние, исходившее от стен, делало путешествие по туннелю феерической сказкой.

Мы уже довольно долго продвигались вслед за нашими проводниками. Подземка имела форму закручивающейся спирали. Повороты следовали один за другим, выстраивая движение по ходу солнца. Мальчик время от времени оглядывался, давая знать – надо идти дальше. Его жесты были весьма кстати – по мере углубления в подземные слои что-то происходило и с нашим сознанием. Нарастающая тревога порой заставляла вопросительно переглядываться друг с другом:

– А правильно ли мы делаем, уходя в пещерные глубины?

Но именно в эти моменты сомнения развеивал вновь оглянувшийся мальчик. Он явно показывал – опасности нет.

Судя по времени, мы продвинулись уже примерно на расстояние двух километров, но конца туннелю всё ещё не было видно. Мы продолжали наблюдать за направлением, стараясь запомнить и особенности настенных фресок – опыт долгих путешествий в неизведанных

местах. Любая запомнившаяся деталь могла пригодиться при возвращении наверх. Кто знает, как придётся покинуть гостеприимную подземку. Тем более что мы уже миновали несколько боковых ходов. Они открывались перед нами неожиданно то слева, то справа, и так же быстро оставались позади, давая понять – туннель не прост. Скорее, это лабиринт.

Неожиданно проводники наши резко повернули влево. Стало ясно – мы приближаемся к концу пути. Переглянулись, говоря друг другу взглядами – готовность номер один! Действительно, за поворотом открылся фантастический вид – подземный городок с высоким сферическим сводом вместо неба, освещаемый всё тем же способом. Но свет над этим сказочным селением был намного ярче, чем в туннеле. Возможно, здесь использовалась другая разновидность светляков или свечение обеспечивалось их большей массой.

Как бы то ни было, после полутьмы туннеля, казалось, наступил день. На площади между строениями на берегу круглого озера с мерцающей водой толпились люди, словно ожидая гостей. При виде нашей процессии ропот пронёсся над толпой. Наш проводник-старейшина остановился перед собравшимися и долго что-то объяснял, показывая жестами то на мальчика, то в нашу сторону. Улавливалась только тональность его горячей речи. Было ясно – идёт психологическая настройка толпы на волну дружелюбия. И старейшина явно справлялся с этой задачей.

По тому, с каким вниманием слушали его взволнованные слова, можно было заключить – старик имел большой авторитет. Наконец, он замолк, и слушатели расступились, образовав широкий коридор. Нам повезло с первым знакомством. Будь кто-то другой на месте старейшины, всё могло закончиться иначе. Речь оратора своей энергией переломила естественное недоверие толпы к чужакам. Всё это почти осязаемо висело в воздухе, чувствовалось настроженными нервами и кожей.

Старик, мальчик и мы с Веселином направились к самому внушительному зданию. Напоминало оно сооружения древних инков – ступенчатая пирамида с квадратным входом в основании передней грани. Мы поняли – предстоит ещё один экзамен. Может быть, более трудный, чем предыдущий. Мы были приглашены в гости, но гостей, не скрываясь, прощупывали на благонадёжность. Основательность процесса говорила о том, что здесь, под землёй, давно создана система охраны от чуждого влияния любых пришельцев.

Так мы поняли, что имеем дело не с диким племенем, каких-нибудь гоблинов, но с организованным устройством. С одной стороны это давало надежду на цивилизованное отношение к чужакам, а с другой – всё зависело от законов, диктующих действия в такой ситуации. А если законы кровожадны и предписывают уничтожить всякого чужака? Но в ту минуту мы не подозревали, насколько эта мысль была близка к истине.

Глава 3. Дворец вождя

Мы повторили движение по коридору, несколько раз делая повороты вправо – по ходу Солнца. Подземный мир, несмотря на толщу базальтовых пластов над головами, исповедовал культ небесного светила. Значит, не так тёмным был этот мир, и Солнце выстраивало жизнь людей даже в пещерных глубинах.

Наконец, оказались в большом помещении. Потолок его был высок и светился матовым биологическим светом. В центре потолка открывался квадратный вертикальный ход – что-то, подобное вытяжной вентиляции. Лёгкие ленты шёлковой ткани, собранные в длиннолепестковую ромашку, колеблясь, показывали – воздух нагнетается извне внутрь пирамиды. Как это происходило – за счёт естественной вентиляции или работал какой-то механизм – определить не удалось. В помещении стояла тишина – ни шороха, ни жужжания тайного вентилятора. Ни звука.

Под соцветием бело-жёлтой «ромашки» возвышался золотой трон. Действительно, золотой или только имитация, понять с расстояния десяти метров было невозможно. Барельефы в зверином стиле украшали все части трона. Фантастические змееголовые создания с телом человека, крылатые и бескрылые, львиные морды с разверстой пастью, крысиные короли с зубчатыми коронами на головах, свернувшиеся в клубок змеи, кобры с огромным капюшоном. Верхний мир в стиле индейских изображений, но с примесью собственного подземного колорита.

Опершись о сияющие подлокотники, на троне сидела мумия в богато украшенном одеянии, с золотой короной на голове. То, что это мумия, а не живой человек, мы увидели сразу. Но странно – первым нашим порывом оказалось почти неудержимое желание поклониться важному сидельцу. Откуда появилось это рабское чувство? Может быть, к тому толкали устрашающие барельефы или огромные размеры золотого трона? Но желание, как бы рождённое командой невидимого, всё подавляющего существа, толкало упасть на колени. Я усилием воли не позволил себе сделать этого. Судя по тому, как напряглось лицо Веселина, с ним происходило то же самое.

А вот наши проводники – старик и мальчик дон Педро – низверглись ниц и по ковровой дорожке, кланяясь на каждом метре, поползли к трону. Они верноподданнически бормотали какие-то отрывистые фразы. Остановились в метре от подножия золотого сооружения и продолжали по очереди рассказывать что-то – объясняли причину, по которой пришлось потревожить вождя. И нам казалось, мумия благосклонно внимает их невнятным речам. Это было ещё объяснимо – просто мы так воспринимали картину. Но когда мумия, не меняя выражения позолоченного застывшего лика, вдруг заговорила, колючки ужаса впились в сердце.

Мы снова испытали неудержимый позыв преклонить колени перед «царём». Удержались от падения в собственных глазах, лишь крепко вцепившись друг в друга, соединив руки. Это помогло. Рука друга в минуту кошмара – бесценная поддержка!

Старик и мальчик продолжали вести «разговор» с мумией. Нам казалось – речь идёт о нас, вернее, о нашей судьбе в этом подземном царстве. Оба ходатая говорили горячо и торопливо. Мумия отвечала отстранённо и равнодушно. Голос её напоминал звуки некоего музыкального инструмента – что-то, отдалённо похожее на гобой или рожок. И этот нечеловеческий

звук усиливал фантазмагоричность происходящего. Временами казалось – всё это бред, дурной сон.

Мы наблюдали фантастическую картину, боясь пошевелиться, привлечь к себе внимание «царя». Страшно было даже подумать, что могло произойти в случае, если его незрячие глаза увидят нас – чужаков, проникших в святая святых. Кто знает, может быть, мумия только кажется неживой. Здесь, в пещерных глубинах, ничему нельзя доверять, даже собственным глазам. Наконец, наши ходатаи, коснувшись лбами пола, стали отползать, птясь и непрерывно кланяясь. Мы последовали за ними, с трудом удерживаясь от подражания их примеру.

Возвращение по коридору происходило в полном молчании. Казалось, старик и мальчик боялись лишними звуками расплескать полученную от высшего существа информацию. Продвигаясь по спиральному пути, уходя всё дальше от незримого влияния мумии, мы чувствовали, как постепенно проходит наваждение – легче дышалось, проворнее стал шаг. Наконец, мы оказались на той же площади у выхода из пирамиды.

Старик жестами обратился к нам. Как он умудрился донести смысл царских речей, теперь уже трудно вспомнить. Но мы поняли – за особые заслуги перед племенем нам разрешено быть гостями подземного царства. Нельзя сказать, что после всего увиденного обрадовались этой вести, но любопытство победило. Решили остаться, чтобы ознакомиться хотя бы поверхностно с укладом жизни в подземелье. Ведь нет ничего хуже «пустого» путешествия. Каждый раз, отправляясь в путь, надеялись на открытия.

Старик повёл нас через площадь по берегу озерца куда-то в узкие переулки. То, что здесь, на большой глубине существовало озеро с пресной водой, было решающим для подземного народа. Именно этот небольшой, но пополняемый глубинными потоками, водоём и позволял выжить цивилизации алинистов. Там, наверху, в свирепом безводье, людям приходилось с большим трудом добывать воду.

Для этого местные жители использовали «туманоуловители». Это цилиндры высотой с человеческий рост, стенки которых были изготовлены из нейлоновых нитей. Туман конденсировался на стенках цилиндра и стекал вниз по нейлоновым нитям в бочку. С помощью такого устройства можно было собрать до восемнадцати литров воды в сутки.

Прибыли к круглому серому зданию, похожему на саклю или чум. Вошли внутрь и оказались в уютном зале, по стенам которого располагались семь дверей. В центре зала за круглым столом сидела стройная женщина в оранжевом одеянии, напоминавшем индийское сари. Она что-то растирала в ступке – коренья трав, сушёную ящерицу или змею. Картина, напомнившая сеансы ясновидящих, колдуний, целителей, которые во множестве расплодились в городах и весях подлунного мира. Она поклонилась вошедшим и что-то спросила у старика.

После короткой беседы хозяйка пригласила нас войти в одну из дверей, которая находилась напротив входа. Мы переглянулись и, подбодрив друг друга улыбками, последовали в помещение. Было впечатление углубления в матрёшку. Особенно неприятным оказалось возникшее при этом чувство «запечатывания» в нескольких слоях и нарастающая подсознательная тревога. Нас загоняли всё дальше и глубже, словно стараясь изолировать и обезвредить.

Однако хозяйка улыбалась. Плавным движением выкатила из-за тяжёлой портьеры столик, сервированный весьма аппетитными блюдами, напоминавшими выпечку и мясное рагу.

В центре стола возвышался кувшин, по форме похожий на амфору. Хозяйка налила его содержимое в бокалы и предложила начать трапезу. Обошла вокруг стола, указала на каждое блюдо и назвала на своём наречии.

Видя наше замешательство, поочерёдно попробовала пищу из каждой тарелки и отпила из каждого бокала. Мы поняли – пища безвредна, и нам это продемонстрировали. Этикет у подземных жителей был на высоте! Теперь оставалось только доказать, что гости – мужчины в полном расцвете сил. И мы показали свой нешуточный аппетит.

В конце обеда усталость и напряжение последних нескольких часов дали о себе знать – глаза закрывались сами собой, мы готовы были заснуть за столом. Может быть, причиной тому служила пища – кто знает, из чего она изготовлена. Держались из последних сил, но хозяйка всё-таки заметила наше состояние. Откинув портьеры, указала на две пышные кровати. И, забыв обо всём, мы упали, провалившись в сон.

Глава 4. Сновидения

Потом, когда покинули подземное царство, в случайном разговоре выяснилось – нам обоим в тот день снилось одно и то же. И сон был говорящим, но каждый из нас отнёсся к нему вполне легкомысленно – мало ли что приснится усталому человеку. Тем более – недавние события делали реальность похожей на сказку. Что же удивляться сновидениям! Взбудораженное подсознание всегда выдаёт фантастические образы. Часто это образы-загадки – пища для размышлений.

А привиделось необычное. Я шёл подземным коридором вслед за стариком и мальчиком. Только во сне путь казался бесконечным, а фигуры провожатых – призрачными и размытыми. Было ощущение исчезающего пространства, неуловимого времени, бесцельности, безнадёжности. Но коридор всё-таки привёл в зал, где на троне возвышалась золотая мумия. Во сне я чувствовал какой-то навязчивый запах, вроде скользкого воздуха мясных рядов. Сцена поклонения и беседы с божеством повторила недавнюю реальность.

Ходатаи так же позли на четвереньках к трону, стараясь не делать лишних раздражающих движений. Мумия взирала на них неподвижным оком. Я стоял в отдалении. Но во сне вместо желания преклонить колени испытывал отвращение к мумии – такое сильное, что дрожали руки. Я понимал всё, что говорилось. Оба ходатая просили царя не подвергать нас казни. Вот откуда исходил мясной дух – это было ощущение ничтожности человеческой жизни. И оно, это ощущение, висело над тронном.

Закон предписывал истребить всех, случайно попавших в подземный город. Но мы оказались спасителями мальчика – внука знатного рода дон Педро Алинес. Рода, который верой и правдой служил царю вот уже десять веков. Мальчик заговорил, горячо подтверждая слова старика о своём спасении. Ходатаи просили об исключительном праве – разрешить чужакам жить вместе с племенем.

Сообщили о том, что пришельцы умеют лечить, много знают и будут полезны вождю и народу. В конце разговора старик выложил последний, видимо, самый весомый аргумент. Он сказал, что у чужаков есть некие неизвестные инструменты. Надо выведать – как ими пользоваться и применить для блага всего племени. Как видно, в подземке понимали важность новых знаний.

Ходатаи обещали божеству полную гарантию неусыпного наблюдения за пришельцами. Старик так и сказал – ни одна секунда жизни Чужих не останется без внимания. Уйти из подземного города будет невозможно. Но даже если Чужие прорвутся к выходу, их будет ожидать «Цербер». Тут старейшина очертил руками многослойный круг. Было неясно, о чём он говорил. Но этот самый «Цербер», как видно, не сулил ничего хорошего беглецам. В моём воображении нарисовался какой-то вязкий колпак. Эта слизь накрыла фигурки бегущих в песках, и они растворились в колеблющемся воздухе.

Мумия после долгих сомнений (а не послужит ли такая уступка гибели племени), согласилась с доводами старика, с одним условием – секреты пришельцев должны быть открыты, изучены и применены для общего блага. Сначала предписывалось комиссии экспертов ознакомиться с неведомыми инструментами и самостоятельно понять, как и для чего нужны эти меха-

низмы. Если это удастся, надобность в чужаках отпадёт. Так мы получили в подарок жизнь – родились второй раз, но уже пленниками подземного города.

После многочасового сна я очнулся и увидел – все наши вещи изъяты из рюкзаков, аккуратно разложены на столе, стоящем у стены. А та самая девушка-хозяйка занята составлением списка необычных предметов. Делала она это на куске гладкой ткани или какой-то мягкой бумаги тонкой чёрной палочкой. Брала в руки предмет – в момент моего пробуждения, это был фотоаппарат – осматривала со всех сторон и долго писала что-то, ловко держа стило тонкими пальцами.

Некоторое время наблюдал за её старательными действиями, удивляясь бесцеремонности обращения с чужими вещами. Гости могли проснуться в любую минуту. Но, как видно, это совсем не заботило милую хозяйку. Увлечённо и скрупулёзно она делала предписанную работу – только и всего! Выражение её лица – вполне умиротворённого – говорило как раз об этом. Когда привстал на ложе, она, ничуть не смутившись, приветствовала меня поклоном.

Рыться в чужих вещах, явно, не было у подземных граждан чем-то запретным. Возможно, такой досмотр входил в торжественную церемонию приёма гостей. Так я подумал и совершенно не соотнёс её действия с тем, что видел во сне. Если бы всё это делалось тайком, образы сна, возможно, натолкнули бы меня на другие мысли. Но сейчас сон никак не повлиял на оценку происходящего. Хозяйка же пригласила меня к обеденному столу гостеприимным жестом, поставила поднос с яствами. И продолжила заниматься тем же делом – досмотром вещей и поочерёдным их описанием.

Проснулся Веселин. Окинув глазами странную картину, удивился значительно больше, чем я. Обратившись к пишущей даме, поинтересовался, а что это такое она делает? Хозяйка поняла вопрос и зашебетала, мило показывая жестами, что ничего страшного не случилось. Просто любопытно ознакомиться с невиданными предметами. Всем своим видом говорила – любой на моём месте поступил бы так же. Разве не интересно потрогать и описать сказочные вещи? Мы не дети, но взрослые тоже не прочь встретиться с чудом!

Веселин, казалось, успокоился. Во всяком случае, переглянувшись со мной, присоединился к трапезе. Ничего другого не оставалось, как принять обычаи хозяев. Мы не у себя дома, а в гостях. Диктовать свои условия хозяевам не положено. Как говорится в пословице – не лезь в чужой монастырь со своим уставом. Да и как можно было противиться – тебя кормят, поят, спать укладывают. А ты в благодарность преподнесёшь недоверие и отберёшь игрушки у любопытной женщины?

Отобедав (или отужинав), мы вопросительно посмотрели на хозяйку «гостиницы» – что дальше? Она к тому времени закончила досмотр и предложила нам упаковать вещи в рюкзаки. Что мы, вздохнув с некоторым облегчением, и проделали к общему удовольствию. Женщина быстро убрала остатки трапезы. Скрылась за портьерой и через пять минут явилась в строгом наряде – сером балахоне, препоясанном цветным шнурком.

Далее поступило приглашение куда-то отправиться. Судя по наряду хозяйки, видимо, пред очи официальных лиц. Нам не разрешили взять рюкзаки с собой. Из чего следовало – путешествие будет недалёким и недолгим. Что оставалось? Мы подчинились. Наши планы пока совпадали с происходящим. Чем больше контактов, передвижений, тем больше информации. Мы пришли в подземный мир именно за этим. Так что – вперёд, за новыми открытиями! Вот так, друг мой начался наш путь служения алинизму!

Глава 5. Снова в первый класс

Хозяйка вывела нас на площадь к подземному озеру и направилась к мрачноватому зданию с высоким ступенчатым основанием. Пройдя внутрь (снова по лабиринтам коридоров), мы очутились в помещении с множеством пристенных полок. Все они были заполнены бумажными или тканевыми свитками, напоминающими рулоны обоев разнообразных бежевых оттенков. Каждый свиток, обвязанный толстой нитью, имел надпись – что-то похожее на иероглифы. Мы поняли – это библиотека. И не ошиблись.

Девушка достала с ближайшей полки рулон, помеченный жёлтой биркой с многоступенчатыми иероглифами. Развернула его, закрепив края на квадратном столе. Перед нашими взорами предстал букварь подземного народа. Это было ясно с первого взгляда – напротив каждого иероглифа размещались изображения предметов. Принцип тот же, что и у всех букварей всех народов. Нас собирались обучать родному языку племени.

Снова – поразительная основательность, разумный подход, рациональность. Если хочешь кого-то понять или выведать нужные сведения, будь добр, обучи своему языку. То, что задача стояла обоюдоостро, не меняло дела. Хозяева подземки, как видно, не опасались чужаков. Надеялись – пришельцы навсегда останутся в их власти. Всё, что увидят, поймут, не выйдет в наземный мир. А вот новые знания, с которыми пришли гости, обогатят жизнь племени.

Не буду утомлять вас, друзья мои, рассказом об особенностях этой книги для первоклассников и тонкостях школьного курса. Скажу лишь, что через месяц мы с Веселином уже довольно сносно могли общаться с гражданами приютившего нас государства. Решили – пришла пора начать наше исследование. А иначе, зачем же спустились в царство с вечным божеством, сидящим на золотом троне. Не терпелось выяснить, велики ли границы подземки, чем живёт племя.

Общение не запрещалось. Скорее, поощрялось. Мы были источником информации. Свободно перемещались по улицам, разговаривали с любым встречным, задавали вопросы. Жители подземки охотно играли в эту игру. Правда почти каждый предупреждал нас шепотком, что каждое слово тут же записывается.

Нам, как первоклассникам, полагалось изучить не только язык и письменность, но и усвоить азы государственных законов, систему запретов и разрешений. Однако весьма скоро мы поняли – законы на бумаге и неписанные законы реальной жизни ничего общего между собой не имеют. Например, в Кодексе законов подземного государства было записано:

1. Преданность делу племени, любовь к вождю Алину
2. Добросовестный труд на благо племени и вождя
3. Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния племени
4. Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов
5. Коллективизм и взаимопомощь: каждый за всех и все за одного
6. Гуманные отношения и взаимное уважение: каждый соплеменник – друг, товарищ и брат
7. Честность, правдивость, нравственная чистота и скромность в общественной и личной жизни
8. Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей

9. Непримируемость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству

10. Непримируемость к врагам и чужакам

Все эти красивые формулы в быту легко сводились к двум последним пунктам. Поэтому, множая общественное достояние племени и вождя, каждый страстно следил за нравственностью соседа. И не дай бог, если этот сосед сегодня вечером тайком ел запретный плод. Запретов же было так много, что плоды нечаянно плодились сами собой – почти на пустом месте.

Теми же законами была разрешена торговля в любых масштабах – дело весьма далёкое от нравственных норм. Все и всем увлечённо торговали, мошенничали, воровали, и так же усердно каждый доносил на каждого. О, это была подземная песнь трубадуров! Доносы благоклонно принимались службой безопасности.

Самое вместительное здание в подземном городе занимала именно эта служба. Знатки поговаривали (конечно, втихаря) о том, что любому члену племени службисты присваивают особый номер, который и обозначен на обложке Личного Дела. Если нет Дела, нет и человека! А Дела эти уже не умещаются в недрах огромных хранилищ, ибо фиксированию и записи подлежит каждый шаг каждого верноподданного, а тем более неверно мыслящего.

Ходили слухи о людях-фантомах, на которых Дела есть, а самих людей давно уже нет. И, страшно, подумать, может быть, и не было никогда. Но Дела продолжают подрастать, как самостийные живые существа. Иногда (!), говорили сплетники, Дело рождало Тело. И, дескать, таких Тел много среди людей. Дескать, сами видели, руками трогали. А ты, пойдя, проверь – так ли это?

Шепотком сообщали, что открыты и наши Личные Дела. И программа жизни пришельцев утверждена вождём. В чём мы довольно скоро и убедились. После скоростного изучения основ языка, в «гостиницу», где мы обитали, прибыл официальный представитель Службы. Важный, скромно одетый, серый и незаметный господин. Но это ошибка – не господин, а товарищ. Оговорка из верхнего мира. Это наверху все – господа. У алинистов – ни одного господина! В этом и заключалось большое счастье всего племени!

Товарищ осмотрел апартаменты, поинтересовался, нет ли жалоб или пожеланий. Мы долго убеждали гостя в высокой качественности нашей жизни. Особо благодарили за школьный курс, ведь знание языка давало нам всё – общение, понимание законов, выращивало уважение к вождю и народу. Но, несмотря на благодарственный тон наших заверений, выражение подозрительности и скрупулёзного дознания не покинуло товарища до конца, так и хочется сказать – следствия. Далее нам было предложено вступить в сообщество строителей алинизма.

Надо было написать заявление и письменно выразить согласие с требованиями Кодекса племени. Процедура, не то чтоб сложная, могла закончиться непредсказуемо. Чем грозило вступление в ряды алинистов – пока не ясно. Мы представляли, какую силу должен был иметь подписанный документ. Обратной дороги на этом этапе, явно, не предусматривалось. Мы одновременно воскликнули: «А нельзя ли подумать, посоветоваться?» «С кем же вы собираетесь совещаться?» – вкрадчиво спросил службист.

«Ну, так друг с другом!» – с надеждой хором сказали мы и пристально уставились в лицо товарища. «Ну, что ж, это не запрещено, – сообщил страж закона. – Однако советую потопиться. Наш великий вождь Алин не любит ждать. До завтра, друзья мои!». Он покинул «гостиницу» с достоинством и неторопливостью, выказывавшими его человеколюбие и без-

граничное терпение к инакомыслию. Нам даже показалось на миг, что товарищ совершенно по-товарищески помахал нам из дверного проёма. Но, скорее всего, показалось.

Глядя друг на друга, поймали себя на том, что лица наши выражали артистически изображённый восторг. Фальшивый, конечно, сыгранный для гостя. Но само по себе это уже говорило о многом! Спohватившись, стёрли нарисованные эмоции, но ощущение маски, уже успевшей прилипнуть к лицу, не проходило.

Глава 6. Неофиты

Некоторое время сидели молча, словно в столбняке, начиная понимать – время гостевания закончилось. Что называется – мы попали! Из нас собираются сделать верноподданных великой мумии. Чем заставят заниматься, не ясно. Но что бы ни было, ожидать благолепия в дальнейшей жизни, не приходилось. Всё предыдущие события могли оказаться лишь цветочками. Ягодки ждали впереди.

Мы, как думалось, должны были стать винтиками отлаженной системы. Где один из винтиков находится, какую нагрузку взял на себя – не столь важно. Главное, исправно исполнять винтиковые обязанности. Не высовываться из отведённого гнезда, не мешать, не пищать. В то же время события давали шанс изучить нравы подземного племени во всех его особенностях.

Только вот беда – знания, которые мы извлечём, могут навеки остаться похороненными в катакомбах под бродячими песками Атакамы. Если мы не найдём дороги, чтобы покинуть царство мумии, мир никогда не узнает о нашем открытии. Встроившись в систему, станем её частью. Сброс нагрузки даже на час, тут же будет замечен. Система моментально вспомнит об одном из винтиков. А внимание системы – это уже катастрофа.

Но как бы ни разрешился вопрос об участии в строительстве алинизма, всё равно завтра нам не уйти из подземелья. Ясно, что это дело будущего – пока далёкого и туманного. Для начала надо было хотя бы добыть рюкзаки с вещами, столь необходимыми для продвижения по бескрайним просторам Атакамы. Без них побег неминуемо превратится в трагедию – если не достанет погоня, пустыня убьёт незащитных путников. Вернувшись из библиотеки в первый день, «дорогие гости» не обнаружили своих походных принадлежностей.

Милая хозяйка «гостиницы» объяснила – всё отправлено на экспертизу. Мы предположили, экспертиза – это что-то вроде карантина. Незнание языка в тот момент не давало возможности выяснить что-либо ещё. Больше своих рюкзаков мы не видели. Карантин оказался бессрочным. Попытки узнать, когда же, всё-таки, вещи вернуться с этой самой экспертизы, всегда заканчивались ничем – девушка делала вид, что не понимает, о чём мы говорим. Наши вещи, как и мы сами, стали пленниками подземки.

Теперь же не оставалось ничего другого, как попробовать сторговаться с важным службистом. Взамен на подписи под заявлением требовать выдачи нашего законного имущества. Попадает ли такая сделка в нормы подземных правил, мы, конечно, не знали. Чем закончится попытка надавить на важного службиста, тоже неясно.

Можно было только предположить – если великий вождь не любит ждать, то проволочки в деле приобщения неофитов, плохо скажутся и на карьере чиновника. Не похоже, чтобы этот товарищ был способен рисковать хоть чем-то. Краем уха нам уже приходилось слышать о неких лагерях, где (ах, какой ужас!) нет свободы торговли. Да и вообще никакой свободы! Сплошное рабство. Значит, в царстве великого вождя существовали места, в сравнении с которыми здешняя жизнь выглядела просто раем.

В полшепоточка шелестело: там, в этих ужасных местах, работа продолжается день и ночь. И строителям не позавидуешь – годами работают даром, за похлёбку. Но сами вино-

ваты – нарушители закона должны быть наказаны. Правда строят, якобы, город будущего – грандиозный, великий, во всём превосходящий прежние.

Но всё-таки, всё-таки... как же без торговли! Без денег! Это значит, век счастья не видать! Все службисты тайком владели торговыми точками. Кто-то торговал какими-то травками, документами приторговывал, а кто-то и нужной информацией. И всё это в мозгах официальных товарищей удивительным образом согласовывалось с высокой нравственностью, прописанной в законах. Так что подземная жизнь, невзирая на благостный Кодекс, кипела ключом. Кое-что понимая уже в этом кипении, мы решили использовать подаренный судьбой шанс.

На следующее утро ровно в назначенный час наш страж порядка прибыл на место. Не спеша, достал из потайной складки балахона два свитка – как мы поняли, заготовки заявлений, где должно было выразить свои верноподданнические желания. Службист любовно разложил «пергаменты» на столе, разровнял их и протянул мне и Веселину инструменты для письма. Пытаясь затянуть время, мы принялись внимательно разглядывать выданный инвентарь. Оказалось, жители подземки пользовались стерженьками, напоминавшими грифельные палочки. Но, скорее всего, это были карандаши иного происхождения – загустевшая смола какого-то растения.

– Да, – сказал службист, – я должен вас проинструктировать. – Подписывая заявление, вы становитесь полноправными гражданами – алинистами, получая при этом гарантии защиты в любых ситуациях. Вы можете гордиться этим! Отныне ваш вождь – великий Алин. Он может всё! Каждое движение верноподданных, любое слово, слетевшее с их уст – не остаются незамеченными. Великий Алин видит и слышит всех. Он готов защитить каждого. Но и вы теперь должны быть готовы отдать жизнь за вождя и, не покладая рук, трудиться на благо племени.

– Разрешите поинтересоваться, – резво встрял в благостную речь Веселин, – какой вид деятельности предстоит нам освоить, чтобы доказать свою преданность великому вождю?

– Ну, что ж, вы в праве знать это, друзья мои. Я предлагаю вам вступить в ряды нашей службы. Это главная служба, правая рука вождя. Его уши, глаза, его сердце! Вам предстоит научиться слушать, слышать, записывать, докладывать.

– Это что – работать доносителями?

– Ну, зачем же так грубо! Ваша должность будет называться – информатор. Весьма почётная работа, к тому же хорошо вознаграждаемая. Каждый гражданин был бы рад такому замечательному доверительному поручению. А что вас смущает?

– Да как-то так сложилось, мы никогда не занимались подобными вещами.

– И что? Вы отказываетесь? – брови стража порядка взлетели, чуть ли не к затылку. Всем своим видом старательный службист вопрошал – какого ещё рожна вам надо? Кто вы такие, чтобы претендовать на другое?

Мы дружно поняли – отказ чреват серьёзными санкциями.

– Нет, не то чтоб отказываемся, но хотелось бы, чтобы нам, как членам вашей замечательной службы, было возвращено изъятое для экспертизы имущество.

– Что вы имеете в виду? – строго спросил чиновник, делая вид неосведомлённого ангела.

– Речь идёт о наших вещах, с которыми мы прибыли сюда.

– Ах, да-да! Это такие мешки с ляжками? Конечно же, вещи вам немедленно вернут, – совершенно по-ангельски улыбнулся наш будущий (или уже настоящий?!) товарищ.

– Хотелось бы их увидеть прямо сейчас, – скромно заметил я.

Службист на минуту задумался, потом позвал хозяйку «гостиницы». Она незамедлительно вынырнула из-за двери, как будто всё это время стояла возле замочной скважины (фигурально выражаясь, потому что никаких замков в этой «гостинице» не наблюдалось). Страж порядка что-то сказал услужливой даме на странном «птичьем языке». Она удивлённо взглянула на него, но исчезла за плотными портьерами – это был вход на её территорию, где и протекала её тайная, неизвестная нам, жизнь.

Через минуту рюкзаки уже оказались перед нами. Таинственная экспертиза, по-видимому, находилась совсем рядом. Из чего следовало – «гостиница» была многофункциональным сооружением. Мы пока мало что знали об этом. Кто работал в недрах здания, куда вели семь дверей, всегда плотно закрытых – тайна за семью печатями. Вот такой каламбур! Головоломка! Девушка, ничуть не смущаясь, показала и сверила со списком содержимое рюкзаков. После чего передала имущество нам.

– Ну, что, договорились? – спросил чиновник.

– Да! – хором подтвердили мы.

Подписание заявления состоялось без лишних проволочек. Службист, довольный проделанной работой, взял оба свитка и засунул их в складки балахона. Потёр руки, как это делают мухи после сытного обеда.

– Завтра утром прошу прибыть для подробного инструктажа. После чего вы сможете начать работу, поэтому не прощаюсь, – заявил он.

– Служим великому Алину! – дружно ответствовали два неопита.

Вцепившись в рюкзаки, мы готовы были работать прямо сейчас, не сходя с места. Или наоборот – сорвавшись с этого места в галоп. Готовы были исполнить любое поручение или молча раствориться без остатка, но выпускать из рук походные принадлежности больше не собирались.

– Ну-ну, похвально! – прокомментировал чиновник наш возглас.

Глава 7. Тайный совет неофитов

Оставшись наедине друг с другом, мы перешли на китайский язык. Это было необходимо – наш разговор не должен дать информации всегда стоящей наготове хозяйке «гостиницы». Да и никому другому. То, что здесь у стен имелись уши, мы уже давно поняли. Да и как не понять – любое движение, шорох, шёпот всегда сопровождались тут же возникавшими вкрадчивыми шагами прелестницы в оранжевом сари. Тут же находилась нужда приблизиться к источнику звука, полюбопытствовать – что тут происходит?

Китайский знали неважно, но объясняться друг с другом на этом замысловатом наречии, всё же могли. Изучили бытовой сленг во время китайского путешествия по знаменитой реке Хуан-Хе. Тогда плавание на медленных плотах принесло столько впечатлений, что язык маленького гида Ван Ли Муна сам собой вошёл в наш обиход. Никогда не знаешь, что пригодится путешественнику – знание языка, умение ориентироваться на местности или искусство сварить горячую пищу из лягушек. Сейчас, как нельзя лучше, пришёлся к месту и ко времени язык Поднебесной.

Мы были довольны результатом переговоров с новым товарищем, но понимали – победа может оказаться временной. Стоит уйти завтра на службу, как наше имущество снова рискует исчезнуть. Нужно искать тайник, недоступный вездесущей хозяйке-надсмотрщице. Исследовали помещение и поняли – спрятать вещи негде. Веселин предложил за ночь выкопать яму под полом. Ничего другого не оставалось. Конечно, риск привлечь внимание прекрасной дамы велик, но сидеть в бездействии ещё хуже.

Немедленно начали работу. Вынули покрытие под кроватью. Именно там можно было спрятать рюкзаки на ночь, ведь как раз во время сна легко и незаметно можно лишиться нас спасительных вещей. Копали осторожно, чтобы ни один звук не насторожил информаторшу. Вынутую землю утрамбовали вдоль стены. Покрытие и кровать вернули на место.

Теперь мы имели хоть какой-то тайник. Яма получилась миниатюрной – кругом скальные породы. Вынули немного земли. Дальше продвинуться не удалось. И всё же тайник был необходим – здесь мы собирались откладывать часть непортящихся продуктов – на дорогу. Не сомневались, что сможем выбраться наверх и покинуть подземное царство, унося с собой добытую информацию. Но с мыслью оставлять в тайнике свои походные вещи днём, когда надолго придётся покидать помещение, пришлось расстаться.

Решили брать рюкзаки с собой. Соплеменники, зная, что мы – пришельцы, скорее всего не будут задавать лишних вопросов. А если всё-таки кто-то заинтересуется, почему носим за спиной поклажу, всегда можно что-нибудь придумать. Например, рассказать о подарках любимой мамочки, с которыми не хотим расставаться ни на минуту. Сочинить сказку о могучем шамане и его талисмানে с предписанием носить вещицу возле сердца. Или что-то другое, в этом роде.

Работу закончили поздно ночью. Стражница никак не проявила себя – скорее всего, спала крепко и безмятежно – привыкла к нашему спокойному поведению без неожиданностей. Руки вытерли походными полотенцами – до умывальника добраться можно было только утром. Хорошо, что земля в подземке сухая, как пыль.

Для отдыха оставалось совсем немного времени. Но уснуть не смогли. Рюкзаки положили под головы, вместо подушки. Крепления намотали на руку. Забрать незаметно наши драгоценности даже во время глубокого сна не удалось бы никому. Спать на рюкзаке, конечно, было неудобно. Крепкие ребята, мы пока не страдали от усталости и нехватки сил. При необходимости могли бодрствовать и трое суток.

Глава 8. На службе

Утром, как ни в чём не бывало, умылись, позавтракали из рук прекрасной хозяйки. Набросили крепления на плечи, и вместе с рюкзаками отправились на службу. Дама настойчиво предлагала оставить поклажу «дома». Улыбаясь, рассыпались в благодарностях, но сообщили уверенно и твёрдо, что своя ноша не тянет.

Поняла ли подземная женщина смысл пословицы, не поинтересовались. Просто вышли наружу, аккуратно прикрыв дверь, улыбнувшись даме напоследок. Первый шаг на пути в верхний мир удался! Избранная тактика работала. Вот так и надо действовать дальше – вежливо, но настойчиво. Наш начальник уже был на месте. От удивления подскочил на сидении:

– Что это за представление? – уставился округлившимся глазом на поклажу новых сотрудников.

– Не волнуйтесь, – заверил я, улыбаясь. – Это необходимые для работы инструменты.

Достал фотоаппарат, навёл объектив на его перекошенное лицо. Вспышка, короткий жужжащий звук, и вот фотография уже в руках секретной службы. Поражённый происходящим, службист, казалось, впал в ступор. То, что он увидел, никак не умещалось в его структурированных мозгах. Его собственное изображение, которое приходилось видеть в водах озера или на портретах, нарисованных местным талантом, вдруг молниеносно перекочевало на лист пергамента.

Разглядывание и изучение листка с портретом затянулось. Страж порядка поворачивал бумагу так и эдак. Заглядывал с обратной стороны. Пробовал раззять сбоку. Нюхал и ощупывал, словно искал некое тайное, скрытое от глаз пространство. Мы терпеливо ждали, пока пройдёт шок познания.

Потом я долго объяснял принцип работы фотоаппарата. Наконец, чиновник смирился с тем, что в моих руках находится такой странный, но полезный инструмент. Очень полезный – эта мысль просто была написана у него на лбу. Так же долго, как и фотобумагу, изучал фотоаппарат. Изучал – конечно, фигурально выражаясь. Просто исследовал на ощупь и на глаз. Качал головой, мычал что-то вроде – надо же, надо же!

Однако удивление не выбило его из колеи. Далее последовало сообщение – на использование фотоаппарата нужно получить разрешение великого вождя. Вещь полезная, но порядок есть порядок! Службист проникся таким уважением к владельцам удивительного инструмента, что просто-таки извинялся перед нами за предстоящие неудобства.

Нам предписывалось ещё раз отправиться на аудиенцию к мумии. Ну, конечно, в сопровождении специалиста – то есть службиста, главного владельца секретов подземки. Мы ничуть не огорчились, хотя, наверное, должны были выразить восторг от перспективы встречи с великим Алином. Это было очень кстати. Я собирался сделать снимок, и возможно, приблизиться к разгадке подземного феномена.

– Какая вещь! Какая вещь! – бегал по кабинету поражённый в самое сердце начальник. – Это же насколько обогатятся материалы Личных Дел! Открываешь Дело, и тут тебе – полное представление о преступнике!

– Что же, все, на кого заведены Личные Дела, преступники? – удивился я.

– А вы как думаете? Конечно!

– Все-все? Но ведь Личные Дела заведены на каждого!

– Так точно! Безгрешных нет.

– А вы? Как же вы? А дети, которые ещё не умеют говорить?

– Я и великий вождь – только два члена племени не относятся к преступникам. Дети автоматически принимают на себя все грехи родителей. Они уже рождаются неисправимыми преступниками.

Мы переглянулись. Не так давно начиная понимать основы подземной управленческой системы, всё-таки не думали, что маразм её так необъятен. Хотя... если задуматься, так ли это удивительно? В надземном мире, по сути, происходило то же самое.

– Будьте готовы к завтрашней встрече с великим вождём, – продолжал начальник. – Этот приём должен в корне изменить отношение к нашей службе. Мы получим новые полномочия!

– Но куда же больше? Ведь под колпаком находятся все, включая младенцев, – удивился Веселин.

– Друзья мои, вы ещё многого не понимаете. У нас есть конкурент. Это служба отбывания наказаний. Их подопечные как раз занимаются строительством города будущего. Они постоянно рапортуют об успехах. Но я-то знаю, их успехи – пузыри из воздуха. Снаружи красиво, а чуть задень и останется только пыль. Но теперь мы выведем их на чистую воду! Всё станет ясно, когда великий вождь увидит, как эта хваленая организация разворовывает казну. Мы сделаем снимки. Там есть что снимать. День и ночь стройматериалы уходят на сторону – в торговые точки, где и продаются в пользу службистов. Золото мешками оседает в их домах, куда нет доступа никому. Но фотография сделает тайное явным.

Безгрешного службиста несло – он готов был нашими руками рискнуть нашей же жизнью. Какова будет роль фотографа в этой непримиримой борьбе, можно легко догадаться. Но разве это могло оказаться преградой на пути честного чиновника! Он всегда готов на любые жертвы ради народа и великой идеи незамутнённой нравственности. В роли жертвы, конечно, мыслился кто-то посторонний, но никак не сам хранитель секретов. Несмотря на индейский балахон, страж порядка похож был в эту минуту на Ивана Грозного, изрекающего неумолимое пророчество:

– Смерды явленные! Зрю чернь набѣгающу!

Так и виделось, как народ в недалёком будущем расправляется с явленными ворюгами. Каждый получает по заслугам – великая стройка алинизма пополняется новыми рабами. Кто-то и жизни лишается в устрашение остальным! А поборника правды и справедливости – великого начальника Главной службы, народ водружает на высокий пост, умоляя не покидать беззащитных и страждущих ни на минуту. Увы, карьера и здесь, в подземном царстве великого Алины, творилась так же, как и в подлунном мире.

Но выбор у нас, как вы понимаете, был не столь богат. Предполагалось лишь безоговорочное согласие. В случае отказа, скорее всего, пришлось бы отбыть на строительство города будущего. Это, как вы понимаете, в наши планы не входило. Одно дело – сбежать в нужную минуту от неусыпного ока милой хозяйки, и совсем другое – прорваться сквозь кордоны мест заключения. Мы не видели ещё этих мест, но вполне могли себе представить их мрачный колорит.

Аудиенция в покоях вождя была назначена на завтра. Начальник напомнил – опаздывать не принято. Утром нужно быть заранее готовыми отправиться на поклон к великому вождю. Сообщил о возможном прибытии лично к нам за час до служебного похода во дворец. После чего разрешено было отдыхать – всё в той же «гостинице» под надзором невозмутимой кормилицы-поилицы, домашней надсмотрщицы. Мрачный призрак «города будущего» превратил эту заботницу в наших глазах почти в ангела.

Глава 9. Аудиенция номер два

Утром даже не успев отбыть на работу, наблюдали, как на пороге объявился великий службист. Его приподнятое настроение хорошо сочеталось с парадным нарядом – чёрный балахон с серебристым поясом. Чёрный головной убор – что-то похожее на чалму с большой кокардой в виде паутины. Весьма говорящие знаки – подумалось при взгляде на этого чернорубашечника.

Закрепив рюкзаки за спиной, в его сопровождении мы двинулись знакомым путём к пирамидальным покоям вождя. Службист ни словом не обмолвился о том, что не мешало бы поклажу оставить на попечение хозяйки. Понял – мы не расстанемся с вещами даже под страхом какого-либо наказания. На этот раз изгибы коридора-лабиринта показались не столь многочисленными – подспудное знание маршрута как бы сократило путь. Шли за начальником, мысленно прикидывая, что придётся говорить, если понадобится. Но это было самонадеянной ошибкой – мы лишь сыграли роль статистов.

Дружной компанией предстали пред грозные очи вождя. Великий службист, не стесняясь присутствием подчинённых, упал на четвереньки и пополз к трону, скороговоркой бормоча заверения в верноподданничестве и готовности к любым жертвам ради блага вождя и народа. Мы с другом смиренно стояли в отдалении, как случайные посторонние, не представлявшие никакого интереса для высокой персоны. Мумия благосклонно внимала елею горячих речей, затем спросила: «Что заставило тебя, мой раб, в это прекрасное утро нарушить покой вождя – О, великий и справедливый! Я привёл к тебе новых сотрудников, пришельцев сверху. Ты уже знаешь о них всё! Но наша служба вывела новую секретную информацию. Они владеют странным предметом, который называется «фотоаппарат». Инструмент не только удивителен, но и весьма полезен. Прошу высочайшего разрешения на использование его для нужд службы.

– В чём же польза этого «фотоаппарата»?

– Пусть новые сотрудники покажут его в действии. И всё станет ясно.

– Разрешаю.

Службист жестом указал мне приблизиться к трону. И я, не падая наземь, прямым ходом двинулся к алтарю. Мумия никак не отреагировала на столь дерзкое поведение. С расстояния примерно двух метров я навёл объектив на трон и нажал кнопку. Великий вождь, не дрогнув ни лицом, ни глазом, молча, наблюдал за происходящим. Вспышка и жужжание аппарата не вызвали у него никакой реакции. Что, впрочем, было нормальным. Если бы мумия вскочила или хотя бы моргнула – тогда настала бы наша очередь испугаться.

Службист, выхватив фотографию из моих рук, протянул мумии. Но тут из-за трона выступил слуга-карлик в серебряном балахоне. С каменным выражением уродливого лица принял листок, поднялся по ступеням в основании трона и приблизил изображение к очам пресветлого. Казалось, мумия внимательно и даже с удивлением, разглядывает портрет. Две-три минуты молчания повисли в воздухе, словно Дамоклов меч. Что же последует за этим? А вдруг великий вождь прикажет немедленно казнить владельцев дьявольской машинки!

– Хорошо! – молвила, наконец, мумия. – Разрешаю. Все изображения должны быть секретны и недоступны никому, кроме начальника службы. Пусть каждое Личное Дело пополнится изображением преступника. Это укрепит народ и власть.

Я, не поворачиваясь спиной к трону, отодвинулся на прежнюю позицию. Службист усердно отпятился на четвереньках. Его чёрный балахон при этом так обтягивал страусиный зад, что казалось, вот-вот ткань с треском лопнет. Аудиенция была закончена. Мы дружно откланялись. Шагая по коридорам лабиринта, я думал лишь об одном – скорее бы вернуться в «гостиницу» и детально рассмотреть изображение, которое теперь «сидит» в памяти фотоаппарата.

Сама же фотография уже пропала в складках служебного балахона довольного начальника. Чернорубашечник заметно раздулся от гордости за свои достижения и новые заслуги перед великим вождём. О том, что всё запечатленное остаётся в цифровой памяти прибора, кузнец личного счастья, конечно, не был осведомлён. Да и вряд ли поверил в это, даже если бы случайно что-то узнал. Фотография – материальный предмет, который можно потрогать руками. Виртуальная память, расположенная на диске, для дремучего верноподданного – это уже нечто запредельное.

Глава 10. Оцифрованная правда

Оказавшись в своей келье, мы, не сговариваясь, уселись рядом и вывели на экран изображение мумии на троне. Сначала рассматривали всё, что попало в объектив – композицию целиком. В объектив попали трон – снизу доверху, часть боковых стен и почти вся стена за тронном. Изображение сидельца на золотом пьедестале получилось как нельзя лучше. Даже и при таком разрешении было видно – это, действительно, не человек. Мумия или кукла.

При большем увеличении стало понятно – на троне сидит кукла. Лицо мумии имело бы совершенно другую структуру. Здесь же было ясно – «кожа» изготовлена из какого-то природного материала. Возможно, из отполированного раскрашенного дерева. Возможно – из отшлифованного янтаря или розового камня. Великий вождь оказался всего лишь искусно одетой в дорогие одежды игрушкой.

– Так, значит, целый народ поклоняется кукле, – сказал я.

– Ну, этим нас не удивишь, – отозвался Веселин. – Вот кто кукловод? Это вопрос.

– Обычно за спиной диктатора, настоящего или кукольного, стоит клан жрецов – силовиков.

– И наш великий службист не входит в этот клан.

– Получается так. Затрапезный раб, как и все остальные. Иначе бы знал, что вождя нет.

– Так что напрасно он старается вывести на чистую воду своих конкурентов. Не думаю, чтобы жрецы не знали о воровстве и о каждом, кто меняет стройматериалы на золото. Значит, всё происходящее в интересах клана.

– Ну, да – классическая схема. Одни рабы погоняют других. За это им разрешают что-то украсть. А потом за воровство последует наказание. Стройка успешно и быстро закончится. Надсмотрщики займут место загнанных рабов. А золото вернётся в казну. Круговорот рабства, так сказать. И круговорот золота.

– Вот видишь, стоило ли забираться в эти катакомбы, чтобы обнаружить то же самое, что уже видели сотни раз на поверхности.

– Надежда умирает последней. Хотелось открыть разумную цивилизацию.

– Неужели наш великий службист не знает, что на троне сидит кукла?

– Если даже и знает, вида никогда не подаст. Ему же выгодно, чтобы народ жил в страхе, под властью могущественного вождя. Кукла – она инструмент, который гарантирует смерть каждому, кто усомнится в мудрости и величии системы. Кукла куклой, но рабство – людоедская машина. Каждый нищий должен это знать и ощущать на собственной шкуре.

– Ты прав. Один вид этой мумии на троне уже должен внушать ужас любому обитателю подземелья. Вспомни наше первое впечатление.

– Ну, да. Еле сдержался, чтобы не упасть на четвереньки, как наши провожатые.

– Вот-вот. Старик знатного рода. А что говорить о рабах!

– Интересно, каким образом эта игрушка разговаривает?

– Ну, это уже совсем просто. Хорошо подогнанная акустика. Где-то в укрытии сидит жрец. Отражение звука, проще говоря – эхо, система акустики направляет в центр – в точку, где стоит трон. Стоящий перед куклой слышит звук, который исходит как бы от вождя. А система зеркал позволяет жрецу видеть всё, что происходит перед тронном. Кстати изобретение зеркала

жрецы, похоже, скрывают от любимого народа. До сих пор как-то нигде не заметно было ни одного даже маленького осколочка.

– Да, в чём-то они мастера. А вот изобрести разумное государство – слабо!

– Ну, как говорится, что Творец даёт, то и имеем.

– Как-то противно ничего не значить в этом мире. Если всё определено, зачем нужен человек с его интеллектом. Чтобы поклоняться кукле?

– Не кукле, а Творцу. Это разные вещи. Похоже, куклы – это люди, а не тот, кто их создал. Тогда задача людей может быть лишь одна – стать живыми.

– Ну, ты сказал!

– А что? В этом есть логика и глубокий смысл.

– Ладно, согласен. Всё очень и очень близко к правде жизни. Но что нам-то теперь делать с этим знанием?

– Надо побывать на стройке алинизма. Кажется, нам это обещали.

– Ну, да. Фотографии подземного гугага – это, конечно, сенсация. Мир вздрогнет в очередной раз. Но станет ли после этого лучше и разумнее?

– Наше дело – показать, что существует в природе. А там уже – пусть каждый думает, что да как.

На том и порешили. На следующий день нам предстояло путешествие на великую стройку алинизма – начало образцового города, где улицы будут выстроены только из магазинов и торговых центров. Город – мегаполис победившего алинизма! Что-то мы увидим?! Не мешает заранее, мысленно, принять полную готовность к любым неожиданностям.

Предощущение этой ответственной командировки схоже было с безнадежным погружением в ад – какая-то тоска овладела нами. Но отступать всё же не собирались – исследовательская страсть гнала вперёд! Что-то подобное мрачному азарту уводило нас всё дальше по лабиринтам подземки. Только стойкая надежда на возвращение в верхний мир грела душу и поддерживала уверенность в победе!

Глава 11. Великая стройка

Мы долго продвигались по длинным коридорам, спускались куда-то, снова поднимались. Система лабиринтов была выстроена так, что движение всё время происходило по часовой стрелке, то есть по ходу Солнца. Но чувство углубления в подземные пласты постоянно росло, хотя везде нас сопровождал ровный призрачный биологический свет. А иногда вместо спуска дорога шла на подъём.

Постепенно при этом круговоротном движении куда-то уходила способность ориентироваться, терялась связь со временем. Возникло ощущение головокружения, какой-то глухой ватной пустоты. Мы сопротивлялись, как могли, стараясь сохранить ясность сознания. Наш гид, казалось, не замечал всех этих мелочей. Или они для него не существовали – адаптация к подземке. Наконец, вышли в довольно просторную местность.

Впереди, в желтоватом ржавом мареве, увидели огромную толпу, которая, заполнив всю ширь подземной долины, двигалась, как лавина, навстречу нам. В шелестящей тишине раздавался громкий писк. На поводках рядом с охранниками бежали какие-то животные, похожие на крупных крыс. Что-то шакалье проглядывалось и в охранниках. Казалось, это не люди, а трансформированные животные.

– Вот они – строители алинизма! – гордо сообщил службист, окидывая широким жестом толпу. – Сколько работы предстоит нам!

– Неужели всех придётся фотографировать? – изумился я.

– Вы должны быть рады, что такое поручение досталось именно вам. Ещё неизвестно, что было бы, если кто-то из этих счастливцев знал, как обращаться с фотоаппаратом.

Я прикусил язык. В словах ретивого службиста звучала почти открытая угроза.

Мы поравнялись с движущейся колонной. Это было завораживающее зрелище! Безрадостные, безнадежные лица с приклеенными улыбками! Их тьмы и тьмы! На поводках у конвоиров огромные крысы! Мы оказались на пороге вечного рая. Ведь по убеждениям нашего товарища все эти строители алинизма могли испытывать лишь одно – великое счастье от участия в великих делах вождя! Улыбки на искажённых лицах должны были наглядно доказывать, как велико, беспредельно это счастье.

Дальше, за этой шевелящейся колонной, была видна далеко-далеко израненная земля. Впереди, словно кратер потухшего вулкана, чернела гигантская яма котлована. Налево, на том берегу этой жуткой воронки тонул в плотном тумане пыли строящийся город будущего – здания высотой примерно в три этажа, прямоугольные, кубические и даже шарообразные. Видны были и сооружения, напоминавшие пирамиды. Кое-где маячили причудливые шпили на крышах уже готовых строений. Биологический террариум светлячков на каменном «небосводе» явно не справлялся с освещением стройки. Всё тонуло в полумраке.

На следующий день я фотографировал эту развороченную огромную воронку котлована, где по серпантину один за другим двигались строители, толкая перед собой гружёные камнями тачки. Люди казались игрушечными насекомыми, заведёнными чьей-то могучей рукой. Их было много – но все сливались в однотонную шевелящуюся массу в пылевидном вязком тумане. Вспоминались круги ада великого Данте – какой-нибудь второй круг в четвёртом поясе, где богохульники, обожествлявшие вождя и поклоняющиеся этой кукле вместо бога, теперь загнаны в камень яростными бесами.

После нескольких дней непрерывной съёмки, службист, хитро подмигнув, сообщил – завтра мы сможем заняться главным: сфотографировать дома охранников и начальников. «Мы выведем их на чистую воду!» – откровенничал он, потирая руки. Этот жест – фирменный признак довольства собой – всегда возникал при вождении поживы. Сейчас как раз наступил такой момент – приближение к цели, так долго недостижимой, но теперь... Цель, вот она – на расстоянии вытянутой руки. И рука эта, уж, поверьте, не выпустит «птички»!

Мы поняли – скоро наша ответственная командировка закончится. Пока всё шло сносно – никто не мешал фотографировать то, что хотелось, что приказывал начальник. Изменения могли прийти завтра – кто знает, как отнесутся местные царьки к нашему любопытству. Их изворотливость и хитрость – непредсказуемое оружие. Может быть, завтра мы уснём от пения какой-нибудь райской птицы, как Садко в подводном царстве. И не проснёмся никогда.

Но предстоящее возвращение в «гостиницу» на берег озера сейчас казалось почти праздником. Было радостно, и в то же время перед нами вставала во весь рост новая, почти невыполнимая задача – выбраться из подземного царства наверх. Да ещё и сохранить фотографии, не отдать в чьи-либо жадные руки нашей главной драгоценности – фотоаппарата. Иначе наши мытарства в подземном рабстве не имели бы смысла. Но чтобы возвратиться хотя бы в «гостиницу», надо было пережить ещё несколько дней.

Глава 12. Хижины и дворцы

И вот в сопровождении неизменного цербера, нашего великого начальника, мы вошли в дом одного из чинов – это был пока нижний слой управленческой машины. Жилище и снаружи, и внутри разительно отличалось от той сакли – гостиницы, где вот уже несколько месяцев пришлось обитать нам. Если поставить рядом эти два сооружения, наше убежище выглядело бы хижинкой. Примерно, как «хрущёвка» против золотых палат восточного набоа.

Даже пирамидальный дворец вождя уступал по богатству убранства этому жилому дому. Золотые барельефы, резные колонны, орнаменты из самоцветов. Повсюду картины, в основном, пейзажи верхнего мира – горы, реки, водопады, пальмы и цветущие альпийские луга. Но нигде не встречались изображения людей или животных. Мир на картинах был необитаем.

И всё-таки, похоже, художники здесь более свободны, чем остальные рабы. Было ясно – картины написаны с натуры. Сама собой возникла мысль – если местным царькам так хорошо известен верхний мир, что мешает им освоиться в нём? С таким богатством можно роскошно устроиться где угодно. Возможно, эта мысль была недалеко от реальности.

– Снимайте, снимайте! – шипел службист. – Всё это должен видеть великий вождь.

Я не успевал выбирать выгодные ракурсы. В объектив попадало всё, что было в поле видимости. На одной из стен заметили некую дверцу. Службист тут же попытался открыть её. Однако ничего не получилось. Начальник заставил Веселина изъять из рюкзака нож – острый и маленький, как шило. Но сколько Веселин ни старался отделить квадратную дверцу от стены, эта безделица не поддалась даже и на миллиметр. Скорее всего, мы обнаружили секретный встроенный сейф, по конфигурации очень похожий на банковский. Это ещё раз показывало – верхний и нижний миры где-то пересекаются.

Заметно было, как наш товарищ службист постепенно впадал в бешенство. Кроме него по пятам за незваными гостями ходил слуга хозяина – одетый в служебный балахон здоровенный индеец. Слуга, молча, наблюдал наши потуги. Лицо его было непроницаемым, но временами вдруг проявлялась, как фотография в растворе гипосульфита, мимолётная усмешка. Слуга явно потешался над рабами, производящими такой своеобразный обыск богатого жилища. Мы выглядели в его глазах презренными клоунами.

– Да, если нижние чины живут в такой роскоши, что же говорить о верхнем эшелоне, – думал я, снимая подробности интерьера.

На следующий день представилась возможность убедиться в моей правоте. Не буду утомлять вас описанием дворцовых покоев высшего чина великой стройки алинизма. Скажу только, что сравнить их можно было, пожалуй, с роскошными обиталищами фараонов. Блеск золота и самоцветов затмевал все разумные пределы. Службист впал в состояние, подобное атараксии. Едва успевая складировать снимки в свои необъятные карманы, выглядел совершенно больным.

Даже вездесущие «глаза и уши» его службы не смогли снабдить начальника полной информацией. Было видно, что «открытия» поразили несчастного в самое сердце. Он никак не мог справиться с приступами «жабы». По-другому выразить его состояние не представлялось возможным. «Жаба», настоящая «жаба» давила нашего товарища. Особенно подкосило

то, что делегацию контролёров сопровождали не сами хозяева дворцов, а всего лишь слуги. И эти рабы смотрели свысока на великого и ужасного начальника, всем своим видом показывая своё превосходство и его ничтожность.

Мы всерьёз опасались, что останемся без сопровождающего. Чем это могло обернуться для нас, страшно даже подумать. Можно было не сомневаться, кто окажется виновным в этой истории. Мы поддерживали начальника, как могли. Он был нашим пропуском за пределы великой стройки. Пока я обходил роскошные покои, Веселин пытался подбодрить сдувшегося, как воздушный шарик, службиста. Восхищался его умом и прозорливостью. Напоминал, как правильно была выбрана им стратегия и тактика, что и привело к нужному результату. Лаковые, сладкие речи несколько взбодрили несчастного. Постепенно приходя в себя, он лелеял уже свою ненависть к врагам народа, окопавшимся (в буквальном смысле) в царстве великого Алина.

Наконец, наша командировка завершилась. Это было очень кстати – у нас заканчивался запас фотобумаги. Начальник не должен был догадываться о том, что скоро фотоаппарат для него станет бесполезен. Эту тайну мы собирались унести с собой в верхний мир. Чем грозило её обнаружение здесь, можно было легко себе представить. Отправились в обратный путь. Сердца наши готовы были выпрыгнуть из грудной клетки. Переглядываясь друг с другом, еле сдерживали улыбку.

Шагая по бесчисленным коридорам подземки, вслушиваясь в далёкие шорохи какой-то тайной жизни лабиринта, я думал о том странном сочетании самого что ни на есть первобытного рабства и повсеместной торговли. Именно это совмещение несовместимых вещей и делало подземное царство порождением абсурда.

Всё продаётся и покупается. Богатый раб возвышается над самым высшим чином, исполняющим секретную службу. И этот службист, чувствуя себя несчастным нищим, готов с радостью занять место этого раба. Но до тех пор, пока сие не удалось, богатый раб должен быть поименован врагом народа и вождя. Похоже, одно это и грело душу бедного товарища начальника.

Он предвкушал, как покажет вождю добытые героическими усилиями фотографии зажавшихся чинов, их фантастических дворцов и наглых домашних слуг. Надеялся на карательные полномочия, которые даст ему великий Алин. Вот тогда... Тогда – берегитесь разжиревшие воры! А их наглые слуги вообще пойдут на фарш – их скормят сторожевым крысам. Судя по размерам этих длиннохвостых хищников, питались они отнюдь не хилым зерном.

С каждым шагом, удалявшим путников от великой стройки, службист становился заметно бодрее. Видно было – добытый компромат жёг руки. Не терпелось ретивому верному подданному обсказать всё вождю. И не только обсказать, но и показать. На это больше всего уповал товарищ начальник. Надеялся, фотографии не подведут – где это видано, чтобы раб жил роскошнее царя!

Глава 13. Разведка

Покинув великую стройку алинизма, прибыли в родной (теперь уже) город на берегу озера. Начальник дал трёхдневный отпуск. Такое решение удивило, но, поразмыслив, пришли к выводу – товарищу начальнику теперь не до нас. Его первостепенная задача – донести до великого вождя добытую информацию. Донести так, чтобы получить право на исключительные санкции. Огонь справедливости жёг сердце старательного службиста.

Но отпуск весьма кстати – нужно было обдумать и обсудить все способы возврата в верхний мир. Мы знали, где располагается тот коридор в системе подземного лабиринта, по которому прибыли сюда. Помнили особые приметы обратного пути – знаки настенных фресок, повороты, их количество. Но как незаметно выбраться из города? Каждую минуту за нами наблюдает либо хозяйка, либо начальник. Без неусыпного ока контролёров остаться удавалось лишь ночью. Но уверенности не было и в этом.

Попытаться изолировать хозяйку? Но если сделать это насильственно, кто знает, что произойдёт дальше – вдруг тайный сигнал разбудит невидимую стражу. Мы решили провести разведку – попробовать отвлечь нашу заботницу и посмотреть, что из этого выйдет, какие тайные пружины придут в действие. Оставалось только придумать план действий.

– Поступим так, – предложил я. – Приглашаем даму в нашу келью – типа, хотим показать одну вещь. Думаю, она и не подозревает, что некий предмет, который уже держала в руках, может служить музыкальным инструментом.

– Мобильный телефон! – догадался Веселин.

– Конечно! Здесь он бесполезен как средство связи, но мелодии-то остались – целых пятьдесят штук.

– Точно!

– Будем слушать и рассказывать музыкальные сказки.

– Ну, да – тысяча и одна ночь...

– Вот именно! Примерно, на час можно будет отвлечь красавицу от дел и продержать в нашей сказочной клетке. Если за ней следят, кто-то обязательно появится. Мы хотя бы узнаем, кто это.

– Ну, да. Может быть и какая-то сигнализация.

– Вот и посмотрим!

Что и говорить, план был неплох. Объяснение для наблюдателей – просто увлеклись, забыли о времени. С кем не бывает! Главное, не вызвать подозрений у самой хозяйки.

– Ну, давай! – махнул я Веселину.

Он включил на прослушивание мелодию номер один. Странно и как-то совершенно незнакомо зазвучал фрагмент песни Бориса Гребенщикова «А в небе голубом...». После долгого подземного глушняка музыка казалась райским божественным подарком.

Мы не ошиблись – спустя минуту, в гости пожаловала наша любимица. Осторожно заглянув в келью, откуда неслись непривычные уху подземного жителя звуки, поинтересовалась:

– Что это?

– О, это специально для вас, – улыбнулся Веселин. – Проходите, я покажу наш телефон. Так называется этот маленький музыкальный инструмент.

Обольститель ловко приобнял девушку за плечи, снова нажал кнопку. Нежно и печально зазвучала полифоническая мелодия. Дождавшись окончания фрагмента, Веселин указал даме на кресло. Сам расположился напротив.

– Так вот, – начал он. – Я должен рассказать нашей милой хозяйке, что это за мелодия, откуда появилась, и кто – исполнитель.

Дама внимательно слушала. Это было хорошим знаком. Похоже, придуманная тактика оказалась верной.

– Это одна из прекрасных мелодий верхнего мира, – продолжал Веселин. – Музыка исполняет знаменитый композитор, поклонник дзен-буддизма.

– Дзен-буддизма?

– Да-да, я понимаю – незнакомое слово. Дзен-буддизм – мировая религия. Система взглядов. Её проповедь – единство мира. Дзен-буддисты считают, что любой предмет, любое существо – часть всего мира.

– Не очень ясно, но, кажется, ничего плохого.

– Да что вы! Только хорошее! – старался Веселин. – Так вот, композитор – Борис Гребенщиков – замечательный человек. В начале своего пути называл себя учеником ламы-датчанина Оле Нидала. Позже посещал ашрам известного индийского гуру Саи Бабы.

– Столько незнакомых слов! Правильно ли я поняла – ваш музыкант долго учился?

– О, очень долго! В детстве закончил физико-математическую школу, потом – Ленинградский университет.

– Физико-математическая? Это что?

– Школа, где обучаются одарённые дети. Они изучают законы Вселенной.

– А как же музыка?

– Музыка появилась много лет спустя. Вот эта мелодия имеет долгую историю. Написал её другой человек – гитарист, лютнист – Владимир Вавилов. Текст знаменитого поэта Андрея Волохонского. А Борис Гребенщиков услышал мелодию на фестивале авторской песни. И с тех пор она стала его визитной карточкой, ведь исполнение-то уникальное, – Веселин снова включил проигрывание.

Музыка лилась серебряно и тонко. Вкрадчивый голос певца рассказывал небесную сказку. Хозяйка слушала, как заколдованная.

– Особо надо обратить внимание на образы песни, – в тон певцу нашёптывал Веселин. – Это библейские образы из Книги пророка Иезекииля. Город золотой – конечно, Рай. Жёлтый Огнегривый Лев – Солнце, Синий Вол, исполненный очей – звёздное небо. Золотой Орёл небесный, чей так светел взор незабываемый – Луна.

– Красиво! – отозвалась слушательница.

– Доводилось ли вам наблюдать звёздное небо?
– Конечно! Каждый подданный великого Алина должен видеть звёзды, чтобы понимать могущество богов.

– Мудро! – похвалил Веселин разговарившую хозяйку.
– А есть ли другие мелодии в музыкальной коробке?

– Да-да, их много! Вот ещё одна, – Веселин запустил мелодию номер два – «Танец с саблями» Хачатуряна.

Похоже, энергичная восточная музыка понравилась ещё больше – казалось, девушка погрузилась в поток звуков, забыв обо всём.

Следом явились Моцарт, Бах, Чайковский, Биттлз, «Не слышны в саду даже шорохи»... Веселин увлечённо комментировал каждую новую мелодию.

Музыкальную идиллию неожиданно нарушил некий посторонний звук – что-то напоминающее переливчатый вой сирены.

– А вот и сторожевая система заработала, – переглянулись мы с другом.

– Ох, это я виновата! – встрепенулась хозяйка. – Теперь придётся отчитываться перед службой.

Дама сорвалась с места и скрылась за портьерой.

– Даже про телефон не вспомнила! – сказал я.

– Вот вернётся, игрушку отнимет. Надо придумывать контраргументы.

– Скажем, инструмент перестал работать – требуется подзарядка от солнца.

– Поймёт ли?

– Если хорошо объяснить, вскрыть крышку, показать устройство – может, и поймёт. Если получится, будем иметь провозатую в верхний мир. Это почти удача!

Так мы убили сразу двух зайцев – выявили охранную сигнализацию и зацепили на крючок любопытства стражницу. Появилась надежда на возвращение в пустынный мир Атакамы. Правда, понять, как сигнальная система узнала об отсутствии хозяйки, пока не удалось. Засекли только время до сигнала – пятьдесят минут.

Промежуток слишком мал, чтобы добраться к выходу из лабиринта. Нужны, примерно, два с половиной часа. Так что идея – изолировать хозяйку и тайно уйти, скорее всего, не годилась. А вот отправиться наверх в сопровождении любительницы музыки – легально или полулегально – этот план нарисовался вполне реалистично. Даму зацепили мелодии верхнего мира. Это было хорошо заметно. Использовать возникший интерес для выхода наверх – что может быть лучше! Только сделать это надо осторожно, не возбуждая никаких, даже мельчайших подозрений.

Глава 14. Огнегривый Лев

Ещё три раза устраивали концертные вечера с хозяйкой. Постепенно музыка становилась узнаваемой, а музыкальные встречи переросли в потребность. Дама прослушивала каждую мелодию несколько раз. В четвёртый день музыка оборвалась на самом любимом месте – «танце с саблями» Хачатуряна.

– Что случилось? – удивилась меломанка.

– Сейчас посмотрим, – сказал я.

Несколько минут копался, перебирая кнопки, потом принялся объяснять, что такое источник питания. Продемонстрировал внутренности телефона, показал батарейку. Красочно описал принцип работы.

– Батарейка села. Это значит, в ней больше нет энергии. Она не может запустить музыку.

– И что?! Теперь я никогда не услышу Хачатуряна?

– И Хачатуряна, и все другие мелодии – тоже, – горестно развёл я руками.

– Неужели ничего нельзя сделать? – наконец-то прозвучал долгожданный вопрос.

– Можно, можно, – хором воскликнули диджеи. – Для этого необходимо выбраться наверх в солнечный день, расправить вот это «крыло» и дать ему накачать солнечной энергии в батарею.

– А разрешение службы?! Вряд ли нас отпустят.

– А без разрешения нельзя? Нет ли другого способа? – настаивал я. – Ведь ничего плохого делать мы не собираемся.

Девушка замаялась, задумалась. Потом хитро искоса посмотрела в сторону женской половины. Мы поняли – сигнализацию можно обмануть. Необходимая степень доверия была достигнута. Вот что такое духовные ценности – ключ к сердцу женщины! Пусть даже и подземной красавицы – стражницы.

Договорились не торопить события. Ждали, когда наша меломанка созреет сама. Понимали – решиться на запретные действия непросто. Ведь если нас постигнет неудача, риск попасть на великую стройку будущего города – угроза не только для пришельцев, но и прекрасная дама должна будет последовать в недра системы, в её горячий бульон, где кипит нарождающееся будущее. А, возможно, наказание будет более суровым. Но мы надеялись, что музыкальный азарт победит. И не ошиблись.

Несколько дней спустя, в послеобеденный час, хозяйка подала знак – пора! Мы поняли, сигнализация временно нейтрализована – путь наверх открыт. Не торопясь, один за другим, направились с деловым видом к началу лабиринта.

Что и говорить – с замиранием сердца продвигались по знакомому коридору, стараясь изо всех сил не сорваться в галоп. Подземное царство с его несчастными рабами отдалялось от нас не столь быстро, как хотелось бы. Но бежать – значит, показать нетерпение, вызвать подозрение. Старательно пряча восторг, распиравший душу, степенно переговаривались друг с другом, перекликались с сопровождающей. Иногда даже лениво замедляли шаг. Картина вполне мирная – три ходока совершают плановую вылазку. Наша дама, казалось, доверяла нам полностью, но осторожность – лучший друг в любой обстановке.

Время... Время имеет свойство сжиматься и растягиваться. Наш путь наверх превратился в нескончаемую эпоху – так проявляло себя желание вырваться из плена. Мы шли и шли, постепенно теряя терпение. Иногда казалось – идём не туда и никогда не достигнем цели. Но, как говорили древние, всё проходит. Впереди забрезжил давно забытый белый день. Свет казался таким ярким, что глаза ломило, в ушах шумело.

– Вот так, постепенно, мы превратились бы в слепых кротов, – подумал я. — Удивительно – подземный народ зряч. Видимо, их организм приспособился к полутьме, как-то компенсировал недостаток света. Но мы бы точно ослепли. Вовремя уходим. Только бы всё получилось!

Заслонив глаза ладонью, выбрались сквозь песчаную щель наружу. Привыкая к свету, стояли и вдыхали воскресшие из небытия ароматы пустыни. Вот ведь – раньше казалось – никаких запахов, кроме пыльного кремниевого, не существует в ползучих песках Атакамы. Но теперь... это просто праздник воздуха, подобный дегустации вин.

– Боже мой, как же можно было жить в этой подземке? – мысленно взревел я.

Восторг переполнял душу и тело. Казалось, сердце сейчас лопнет. Веселин выглядел ещё хуже, чем я – обессилено присел на камень, слёзы текли по его серым щекам. Провожатая с удивлением смотрела в наши перекошенные лица, явно не понимая происходящего.

Её счастье осталось там, под землёй. Наше – сияло с небес, где совершал привычную прогулку Жёлтый Огнегривый Лев. Разные системы координат. Полное несовпадение ценностей. Наш странный вид пробудил беспокойство, расшатал безмятежность подземной красавицы.

– Надо торопиться, – сказала охранница.

– Сейчас, – отозвался я. – Немного привыкнем. Мы плохо видим. Так устроены наши глаза.

– Времени нет. Сигнализация вечером оживёт.

– Успеем, – успокаивающе обратился к даме мой друг.

Открыл крышку телефона, выдвинул заряжающее крыло батарейки и, держа аппарат перед собой, стал удаляться от бархана.

– Ищу самое лучшее освещение! – крикнул он и помахал рукой хозяйке.

Я двинулся следом, охранница – тоже. Некая обеспокоенность проявилась на её лице, но пока мы были ещё недалеко от входа в подземелье. Наконец, дама, заметно отставая, крикнула:

– Куда же вы?! Солнце везде одинаково светит.

Разрыв между крупно шагающими, почти бегущими мужчинами, и семенящей подземной стражей всё увеличивался. Наконец, девушка остановилась. Она всё поняла. Но не испуг исказил её лицо, как можно было ожидать, а ненависть к убежавшим рабам.

– Вы не уйдёте от «Цербера»! – крикнула вслед. – Я отомщу!

И тут мне вспомнился подземный сон. Мы переглянулись на ходу.

– «Цербер» – это что? Об этом говорил старейшина во сне, – крикнул я.

– Точно! Я видел тот же сон!

- Наплевать! Пока бежим – будем бежать!
- Бежим!

Мы оглянулись одновременно – охрана уже была не видна. В тот момент ничего не могли с собой поделать – думать о том, какое наказание ждёт стражницу, было выше наших сил. Жаль меломанку, но ведь и у неё был выбор – могла уйти с нами. Но фанатизм победил. Тут нет нашей вины.

Аромат свободы, солнца, неба, текучего песка, ветра – всё это казалось сказкой. Бежали долго, пока не упали – ноги уже не слушались приказов разума. Лежали на горячем песчаном плато, смотрели в синее просторное, недостижимо высокое небо. Теперь мы знали, как выглядит счастье!

О том, что впереди – долгая дорога в песках, безлюдье, безводье, неизвестные опасности – об этом не думали. Даже царапающее слово «Цербер» не могло испортить нашего полёта – мы летели, неслись, как ветер. Туда, где жизнь, любовь, люди, свобода!

Глава 15. Цербер

Отдышались, не сговариваясь, встали. Поправили рюкзаки, и снова двинулись в направлении на север – там города, цивилизация. Время клонилось к вечеру. Солнце падало куда-то в далёкий невидимый океан. Тени удлинились и следовали за нами, скользя с правой стороны по каменистой почве.

Давно забытые краски заката, даже тени, которых никогда не увидишь в подземке – всё это казалось праздником жизни. Мы ощущали сейчас каждой клеткой – время, проведённое в царстве великого вождя, нельзя было назвать смертью, но и жизнью – тоже. Существование в животном мире – крысиное, пещерное, первобытное. Подземка с её лабиринтами и призрачным свечением стен сейчас казалась замогильным кошмаром.

Время от времени переглядывались – каждый в эти минуты вспоминал о таинственной угрозе. Но ни впереди, ни сзади не наблюдалось никакого движения. Погони не было. Каких-то страшных непреодолимых преград – тоже. Может быть «Цербер» – просто страшилка, выдумка. Мы почти успокоились. И как-то разом почувствовали жажду.

Остановились возле каменного выступа, достали фляжку с водой из подземного озера. Фляжка была невелика, воду придётся беречь. Отпили по глотку, и снова – в путь. Хорошо, что многие кактусы Атакамы не ядовиты. Например, разновидности кактусов рода Копьяпоа. В случае крайней нужды можно использовать их мякоть в пищу и для утоления жажды. Это, конечно, самый драгоценный подарок безрассудным путникам, подобным нам. Но мы всегда так и продвигались по песчаным безлюдьям – применяя опыт многомудрых путешественников.

Мы хорошо знали – Атакама считается самой сухой пустыней Земли. В некоторых местах дождь выпадает раз в несколько десятков лет. Среднее количество осадков в чилийском регионе Антофагаста составляет один миллиметр в год. Некоторые метеостанции в Атакаме никогда не регистрировали дождь. Есть факты, что существенных осадков в Атакаме не было с 1570 по 1971 годы. Здесь зарегистрирована самая низкая влажность воздуха: ноль процентов. И всё-таки некоторые растения оказались сильнее песков. Сине-зелёные водоросли, лишайники, тилландсия, кактусы, мескитовые деревья, акация – эти живые создания победили пустыню.

Мы шли вдоль Каменной гряды, одного из ответвлений Кордильеров. Вечернее солнце давно скрылось за вершинами скал. Огромная полная луна окрасила каменные громады в кирпично-красный цвет. Небо светилось сиренево-голубоватым сиянием. Пески мерцали фиолетовыми оттенками. Ноги временами увязали в этих серебряно-фиолетовых барханах. Но мы продолжали движение, усилием высвобождая ступни, вздымая сверкающие под луной песчаные всплески.

Любуясь фантастической картиной ночной пустыни, мы совершенно забыли угрозы нашей провожатой. И напрасно!

Вдруг разом почувствовали некое воздействие – словно кто-то сдавил обруч вокруг лба. Давление усиливалось. Закружилась голова, потемнело в глазах.

– Что это? – прохрипел Веселин.

– Цербер!

- Что будем делать?
- Не знаю!

Это были наши последние слова. Дальше наступила тьма. Очнулись, когда луна уже прошла четверть небосклона. Краски неба, пустыни, далёкого горизонта заметно пожелтели. Судя по этому признаку, скоро должен был наступить рассвет. Лёжа, переглянулись.

- Как ты? – спросил Веселин.
- Пока живой. А ты?

- Голова тяжёлая, но надо попробовать встать.
- Давай!

Однако попытка закончилась тем же – чья-то богатырская рука снова стала закручивать невидимый обруч. Не дожидаясь потери сознания, упали на песок. Обруч исчез.

- Ты понял, понял – вставать нельзя! – почему-то шёпотом сказал Веселин.
- Да понял я. Но что делать будем? Лёжа, долго не протянем.

- Ясно, не протянем! А если ползком?
- Далеко ли уползём? Мы же не змеи.

- Предлагай что-то другое.
- Что другое? Ничего другого нет. Ползём!

- Только осторожнее – вдруг снова отключимся.
- Ну, вперёд!

Ползти по-пластунски с рюкзаками за спиной – не самое приятное занятие. Но мы ползли, пока хватало сил. Ползти остервенело, понимая – может появиться погоня. Понимая, что сила психологического воздействия не всемирного масштаба. Скорее всего, где-то есть граница, за которой можно будет встать во весь рост и уходить от опасного места уже на ногах.

Несколько попыток подняться на колени закончились неудачей. Мы продолжали ползти. Постепенно силы наши иссякали, терялось ощущение времени. Двигались на автомате, как роботы. Если бы не наш опыт экстремальных путешествий, всё могло быть намного хуже. Многолетние тренировки работали на нас.

- Чёртовы жрецы с их куклой! – время от времени пыхтел я.
- Да уж! Вечные фокусы – гипноз и прочая дрянь!

- Только бы уйти! Мы не должны потерять добытую информацию.
- Обидно будет, после всех мытарств.

- Врёшь, не возьмёшь, чёртова кукла!
 - Изыди, Сатана! – кричал Веселин, орудуя локтями и коленями.
- Поклажа долбила по спинам, усиливая нагрузку.

Прошло около трёх часов. Задыхаясь и потеряв последние силы, остановились. Отпили из фляжки. Попытались сесть, опершись спиной о близлежащий каменный палец. Эта простая поза показалась подарком ангела – сидя, почувствовали, сколь велика была усталость. Долго прислушивались к себе, но ощущения обруча не возникло.

- Ну, что? Встаём? – спросил я.
- Давай, по очереди. Сначала один, потом другой.

Веселин медленно приподнялся на колени, потом встал во весь рост.

- Как ты? – с надеждой смотрел я на друга.
- Пока нормально. Подожди, не вставай. Пусть пройдёт минут пять.
- Что и говорить – через пять минут стало ясно: мы вырвались!

- «Цербер» оказался просто ловушкой, – радовался Веселин.
- Да, рассчитано на деморализацию – дескать, упадут и будут лежать. А пустыня сделает своё дело! И погони никакой не нужно.

- Но каковы эти рабовладельцы чёртовы! Одни их крысы чего стоят!
- «Цербер» почище крыс!

– Древнее знание! Может, это и не гипноз, а что-то другое. Да, честно говоря, никто из учёных толком и не знает, что такое гипноз. Как происходит воздействие? Что за механизм? Научились говорить «гипноз», и, вроде, всё научно. А что это на самом деле – неизвестно. Как может один человек, не прикасаясь к другому, заставить его что-то делать или вспоминать то, что забыто.

Наступило утро. Мы позавтракали, сидя на камнях, отпили из фляжки. Отдохнули. Теперь можно было, не спеша, продвигаться в сторону самой близкой обитаемой точки – коммуны Уара. И мы отправились именно туда, держа курс на северо-запад, где наш маршрут должен был пересечься с этим посёлком на Панамериканском шоссе.

Долгий путь к свободе и цивилизации был открыт. Ещё не раз на этом отрезке путешествия пришлось нам утолять жажду мякотью кактусов. Пища, хотя и в малом количестве, была собрана по крохам в подземном тайнике. Теперь сушёное мясо и лепёшки из каких-то неизвестных нам овощей спасали в трудном пути. Голод постепенно перестал ощущаться, но это состояние легко могло перейти в болезненное. Нужно было торопиться, пока пустыня не вытянула из нас жизнь до последней капли.

Но всё это было пустяками в сравнении с подземным рабством. Мы чувствовали себя невиданными счастливцами. Истощённые, чёрные от солнца и пыли, добрались до провинции Тамаругаль. Здесь находилась коммуна Уара. Теперь мы могли считать, что путь в столицу Сантьяго уже обеспечен. В коммуне можно было использовать наши банковские карты. А это означало – питание и ночлег. И начало пути домой!

Атакама, твоё могущество закончилось! Так думали мы, но ошиблись. Ещё долгие годы преследовали нас круги подземного ада – память накрепко запечатлела империю страха и её персонажей. Так работал вирус «*pavor vulgaris*» – заразная штука!

Глава 16. Отель «Чинчорро» и Кукла

В маленьком уютном отеле, названном по имени одного из древнейших народов «Чинчорро», мы провели несколько дней. Это было необходимо для восстановления сил после подземной жизни и долгого гнёта Атакамы. Несмотря на солнце над головой, знакомую испанскую речь, и прочие признаки цивилизации, наше сознание всё ещё оставалось в плену – такая своеобразная психологическая зависимость, мрачная и липкая.

Здание отеля было выстроено давно, поэтому стены его из орегонской сосны создавали особую атмосферу – дышалось в его помещениях вольно и легко, спалось крепко. А волшебные сновидения хотелось записывать в книгу для посетителей – на её шёлковые страницы, спрятанные за тиснёной орнаментами обложкой.

Отель притулился к широкой спине скального выступа. Из окон открывался фантастический вид – горная речушка, прыгающая по камням. На каменистых склонах – заросли чилийской сосны, перемежающиеся густыми дебрями лазающего кустарника Астерантера. Огромные малиновые цветы украшали тёмную зелень, отливавшую на солнце глянцевым блеском. А вдали – синие вершины Кордильер. Над ними – забытые, давно забытые нами облака.

Наслаждались комфортом и отдыхом. Заказав скромный обед в номер, уселись в кресла и только здесь смогли вернуться мысленно в кошмар жизни алинистов. Нужно было обдумать то, что увидели и пережили. Долго обсуждали бытие подземного ада. Совместно была нарисована общая картина, подобная пророчествам великого Данте. Однако маэстро, описывая круги увиденного им ада, и подумать не мог, что трагедия когда-то может сравняться с мрачной клоунадой.

Но так оно и было. Всё трагическое здесь уже достигло выморочной стадии вырождения – перехода в свою противоположность, то есть, в фарс. Попытаюсь представить картину словами, друг мой, специально для тебя. Вот что у нас получилось. Если бы нужно было дать название этому словесному полотну, я назвал бы его «Могущество куклы».

МОГУЩЕСТВО КУКЛЫ

Опустим, друг мой, исследование причин (видимо, серьёзных причин), которые и привели к зарождению в 20-м веке явления, что теперь именуют тоталитаризмом. Исторически термин «тоталитарное государство» появился впервые для характеристики режима Бенито Муссолини в 1920 году. Именно этот диктатор присвоил неограниченные законом полномочия власти, ликвидировал конституционные права и свободы, применил репрессии против инакомыслящих, выстроил жизнь людей в подчинении военным целям, ввёл тотальный контроль за каждым гражданином.

Поэтому тоталитаризм – это форма отношений общества и власти, при которой политическая власть берёт под полный контроль общество, образуя с ним единое целое, полностью контролируя все аспекты жизни человека. Проявления оппозиции в любой форме при этом жестоко и беспощадно подавляются. Важным является то, что с помощью пропаганды создаётся иллюзия полного одобрения народом действий власти. Естественно, что при таком режиме существует фигура, обладающая беспредельной личной властью – вождь.

Вождь и его свита верноподданных старательно выстраивают систему уничтожения инакомыслящих, которая должна работать, как часы. Для обеспечения бесперебойной работы, конечно же, нужен «материал». Первоначальный контингент несогласных быстро исчерпывается. Но тоталитарный режим жив лишь энергией устрашения. Следовательно, «материал» для непрерывной работы должен быть всегда. Если такового нет, его следует *создать*.

Таким образом, выстроенная когда-то вождём машина уничтожения инакомыслящих становится самостоятельным монстром. Механизм сам «лепит» инакомыслящих и уничтожает своих картонных, но вполне живых «детешек». А вождь превращается в символ этого молоха.

При переходе на эту стадию, для функционирования машины устрашения и уничтожения людей, уже не нужен вождь. Достаточно символа – куклы-сертификата. Машина работает уже не столько на вождя, сколько для обеспечения благосостояния и безопасности тех, кто входит в верхний эшелон. Эти исполнители воли вождя, при отсутствии законов, сами становятся законом для любого нижестоящего. Обвинение и уничтожение людей с помощью фальсификаций, с помощью доносов – дело опасное. «Нижние», понимая свою катастрофическую зависимость от «верхних», начинают использовать на полную катушку инструменты самозащиты – те же фальсификации и доносы.

Постепенно происходит вырождение системы до абсурда – кругом стукачи, сторожа, контролёры, которым живой вождь лишь – помеха. И вот когда вместо живого грозного вождя на троне воцаряется символ – кукла (предположим, вождь умирает), система идёт в разнос. Разложение начинается сверху. Именно верхушка даёт знак – можно всё! При этом криминальная кровавая зависимость каждого от каждого видоизменяется – превращается в более «безопасную» – воровскую.

По-прежнему каждый пишет досье на каждого, но уже при этом никто не боится воровать, обирать казну. Постепенно распад продвигается вниз. Выстраивается криминальная пирамида. Ворует нижний эшелон, попадая в криминальную зависимость друг от друга и от вышестоящих, ворует стоящий над ним. Но он уже находится в криминальной зависимости и от «нижних», и от ещё более вышестоящего, и так – до самого верха.

Верх – жрецы, над которыми стоит кукла (идея). Они полностью зависят от куклы – пока она играет роль вождя, машина рабства и криминальной зависимости каждого от каждого (круговая преступная зависимость) работает. Для разворовывания казны используется любой предлог – великая стройка, развитие науки, помощь детишкам и прочее. Что мы и наблюдали в подземном царстве. Так трагедия превращается в фарс. Истинную трагедию переживает лишь народ, обобранный до полной нищеты и низведённый в рабство.

Самым интересным был вопрос: что произойдёт, если рабы поймут – вождя нет? Грядёт ли великая анархия, начнётся война всех против всех или ничего не произойдёт? Жрецы вынесут мумию на обозрение народу, и ужас вернёт всё на круги своя?

Ответ на эти вопросы я, пожалуй, оставлю, друг мой, на твоё усмотрение.

Спустя несколько дней на автобусе мы добрались до Сантьяго, где находился международный аэропорт Артуро Мерине Бенитез. Купив билеты до первого пункта назначения в Европе – столицы Испании, мы в ожидании нашего рейса расположились в отеле Диего де Альмагро Аэропуэрто, который находился в пяти минутах езды от аэропорта. Позволили себе расслабиться, отодвинуть в дальние закоулки сознания вечную готовность путешественников встретить любую опасность. Здесь мы уже почти дома!

ГОРБИ – 2

(Sic transit gloria mundi*)

(Повесть)

*Sic transit gloria mundi – Так проходит мирская слава (лат.)

Вот слушай, друг мой – в этой истории, рассказанной мне туристом-любителем у костра на берегу горной реки, что-то есть. Может быть, как раз то, что нужно – недостающее звено в логике существования. Вполне допустимо, что мысли, высказанные здесь, ошибочны. Но с той же долей вероятности, они могут оказаться истиной.

Глава 1. Вперёд – в прошлое!

Мы с моим приятелем Максимом встретились для привычной кофейной беседы. Это была наша давняя традиция. Каждую пятницу в моём жилище два друга детства вели философские беседы за чашечкой свежесваренного любимого напитка. Выбирали для церемонии всегда один и тот же сорт – кофе в зёрнах «Арабика». Мололи в ручной старинной кофемолке.

Этот маленький механизм, когда-то любовно сделанный мастером, с восточной гравировкой на крышке и боковой поверхности, казалось, имел душу. Только эта кофемолка давала нужный помол, когда зёрна, не превращаясь в обезличенную муку, отдавали всё необходимое, сохраняя фантастический аромат сортового кофе.

Священнодействовали на кухне, а потом сидели за маленьким столом перед открытым балконом. Вдыхали сочный аромат, вьющийся над фарфоровыми чашками, беседовали, наблюдая со зрительским пристрастием за преходящими картинами суетного мира.

Экран рябил, как всегда, потому что вместо антенны в укромное гнездо в задней стенке телевизора была втиснута алюминиевая проволока. На единственном канале шла девяносто девятая серия милицейского детектива с курносой рыжей барышней в роли майора МВД. Каждый раз при её появлении всплывали в памяти строки поэта, мирно творившего бессмертные шедевры где-то за океаном – в комфорте жилого фонда Нью-Йорка: «Там были сто два генерала, И каждый услышать хотел, Зачем либералу давала Сотрудница внутренних дел...».

Именно эти строки, а не что-либо иное – героическое и правильное, рождает образ этой бестии с бесстыжими стреляющими глазками. Даже и на девяносто девятой серии не хотелось верить в пламенное сердце, бьющееся только ради справедливости и защиты трудового народа.

В недрах улиц, в дебрях частного сектора, как под ножом, визжал ребёнок, принимая ежедневную порцию воспитательных мер. Тощая чёрная кошка, не спеша, шла через проезжую часть. Было видно, что в пути задумчивое животное успевало вспомнить счастливое детство, бурную юность, рассмотреть всё важное в настоящем и сориентироваться в будущем. Кошка знала, что в ближайшие десять минут асфальт будет свободен – журчание двигателей ощущалось примерно на расстоянии трёх километров.

Пахло дымком – где-то в садах, за трамвайным полотном, домовитые тётки и дядьки жарили шашлыки, топили бани, заваривали чай – готовились встретить очередную субботу, до отказа набитую трудами праведными – заготовками овощей на зиму, сбором фруктов, поливом грядок и прочими душевными заботами.

У входа в подъезд выстроились в ряд разноцветные табакерки легковых авто. Входили и выходили деловые и праздные граждане, каждый раз нажимая кнопку домофона. Журчащий звук его сигнала издали напоминал песнь райской птички. Скрипели древние качели – на них в блаженном расслаблении сидел взрослый дяденька с портфелем. Склонив голову, болтая ногами, он, казалось, навсегда погрузился в плюс-квалитет – в золотые дни детства. За чертой видимого, в невидимых просторах, гудел и жил своей пыльной жизнью город. Временами его дыхание, подобное зловонному рыку Змея Горыныча, напоминало о бренности и опасности всего сущего.

Было как-то тесно, суетно и почему-то – печально. Вспоминалось глубокое и далёкое прошлое, которое продолжало жить – казалось, не только в памяти, но и в реальности – там, за пожухлой, жестяной, готовой упасть листвой тополей. Там, за какими-то домами, трубами, вывесками, за елями и соснами, за полями и озёрами. Там – где-то на излучине обмелевшей

реки, среди жёлтого венчика кувшинок, должно было жить, всё так же и тем же, любимое, реальное, вечное, красивое и юное прошлое. Оно продолжало набегать прохладными волнами на песчаные дюны. Звало еле слышным голосом кукушки, шептало на речном перекате, сверкало солнцем в водах реки. И странным образом продолжало питать душу, словно там навсегда остался твой двойник.

Верить-нет, но я это знал всегда.

Поэтому спокойно, почти холодно, относился к враждебному ветру околелитературных бурь. Литература стала моим местом силы – единственной точкой опоры в мире. Я, давно по воле обстоятельств оставшись один, выпускал журнал, где бесплатно публиковались местные авторы. Выпускал на свои средства, то есть – за копейки. Считал, что где-то обязательно должно ждать людей то, что не продаётся и не покупается. Ну, представь себе мир, где нет ни одной ценности, которую нельзя было бы купить или продать. Ничего более страшного и не придумаешь!

Издание журнала малым тиражом по силам любому, кто захотел бы этим заняться. Но желающих не находилось, а вот завидующих образовалось множество. Завидовать можно было лишь моей целеустремлённости – больше причин для зависти не было. Но почему-то все решили, что у меня – денег куры не клюют.

Упорно пропускали мимо ушей мои высказывания о том, что доход у меня такой же, как и у всех, а вот мышление – другое. Скорее всего, не пропускали мимо, а просто не понимали, о чём я говорю. И завидовали, и злобствовались, и злопыхали. Точно по тексту:

«Люди всему позавидуют – надо, не надо:
Если вы Гойя – завидуют горечи взгляда,
Если вы Данте – они восклицают: «Еще бы!
Я и не то сочинил бы в условиях ада!»»

Это Новелла Матвеева, друг мой. Сначала меня удивляла вот эта неприкрытая ненависть-зависть, а потом... Я стал даже получать удовольствие, наблюдая конвульсии всех этих тёток и дядюшек, мёртвой хваткой вцепившихся в свой жалкий кошелек, дружно вопящих о нехватке денег, о каких-то трудностях со здоровьем, о великой нужде экономии.

Мне даже понравилась картина грандиозно изображаемой ими нищеты. Они искренне – ну, насколько может быть искренним Кот Базилио – вопили о «трёх корочках хлеба». Великая вещь – сказка! Они так старались увлечь Буратино в Страну Дураков, заставить посадить монеты в землю... ну, и так далее! А Буратино никак не хотел оправдывать их надежд и продолжал тратить свои «золотые», как считал нужным.

Коты Базилио и Лисы Алисы мечтали даже упрятать Буратино за решётку. Уж если нельзя отнять «золотые», так хотя бы наказать их владельца! Они продолжали ходить по пятам за Буратино и мечтали, что однажды появится Карабас-Барабас, который и бросит строптивца в тюремные застенки. Карабас-Барабас, действительно, появился – с грузом отмытых купюр и толстым-толстым... увесистым... журналом подмышкой. И даже пытался стукнуть этим журналом Буратино по голове, но промахнулся.

А Буратино, слышишь, друг мой, как и полагается, продолжал жить в созданном им театре, где поэты писали стихи, а сказочники сочиняли сказки. Каждый – свою!

Ну, да ладно! Что-то я скатился на сказку. А, между тем, речь пойдёт не об этом. Мы с Максимом всегда знали, что всё это пустяки по сравнению с простым неразрешимым вопро-

сом: Что такое жизнь? И именно – жизнь одного человека? О, друг мой, из этого вопроса проистекает всё Зло мира, потому что люди не знают ответа. Ты удивишься, но ответа не знает никто – ни мудрецы со дней Пифагора, который, как мне кажется, ближе всего подошёл к истине; ни самые простейшие, кого называют дураками или юродивыми.

Пифагор во времена, когда компьютеры не возникали даже в самых отчаянных фантазиях самых талантливых философов, утверждал, что миром правят числа, то есть – *ЦИФРА*. И вот, наконец, спустя всего лишь несколько тысяч лет, мы начинаем понимать, *О ЧЁМ* он говорил.

Зато мы так и не поняли – какова роль каждого из нас в этом цифровом мире. А между тем, человек – носитель кода – набора цифр, начиная от секунды, минуты, часа, даты рождения, цифрового изображения его личного генома, и, заканчивая датой, часом, минутой и секундой его смерти. Условно, это выглядит так: NS -11.01.1937- цифровое изображение генома – имя -13.01.2013. Это индивидуальный код в программе по имени «Жизнь». Всё, что каждый из нас может и должен исполнить, записано в геноме, помеченном именем. Имя отражает индивидуальные особенности генома, то есть генетическую программу по имени Джордж (например). Увы, что из этого следует?

Первое, что приходит на ум, мы – роботы. Так же, впрочем, как и все животные. Друг мой, когда начинаешь понимать это, осознаёшь и цель своего прихода на эту планету. Логика подсказывает, что геном даёт путь, а цель может быть только одна – наработка твоей личной программы, которая называется «Дух». Если кому-то не нравится это слово, пусть найдёт другое. Но, как ни крути, как ни жонглируй словами, а твою личную задачу за тебя не решит никто.

Ты рождён именно для этого. Другими словами, за тот период, который тебе отпущен, ты должен стать равным Богу, Творцом. Должен создать и укрепить свой личный Дух. Это значит – стать Живым и бессмертным.

Удалось ли это кому-либо? Трудно сказать. Попытки были. Взять хотя бы бурятского ламу Итегелова. Ну, ты знаешь эту историю. Он хотел доказать, что человек бессмертен в прямом смысле, то есть в теле. Но что-то не сработало. Хотя ему многое удалось. Тело сохранилось в живом состоянии, но Дух, похоже, не захотел возвращаться в свою прежнюю обитель, спустя 70 лет после ухода в сон (смерть).

Люди, которые не задумываются о цели своего появления в мир, проживут жизнь только в теле, в действиях, диктуемых программой генома. После чего геном будет расформирован. Остаются в памяти цифрового мира лишь твои личные наработки – Дух. Так что, работай над собой день и ночь, друг мой: «Не спи, не спи, художник, не предавайся сну. Ты – вечности заложник, у времени в плену». Борис Леонидович был прав.

Мы с Максимом говорили об этом не в первый раз, но *КТО* захотел бы нас услышать? Думаю, никто. Ну, да ладно – сказать себе, это уже много! Но *КАК* создаётся Дух? Обращением к Богу? Да. Но только ли так? Ответа нет. Вот так мы и ходим по кругу – в Лабиринте. А пока блуждаем во Тьме, думаем, ищем, миллионы тел просто действуют. Зло живёт! Да как живёт! Прощает и плодит ядовитые цветы.

Может быть, стОит вернуться в прошлое: кажется, там каждый из нас знал всё. Действительно, дети знают всё. Это значит, они знают, зачем мы живём. Знают, что такое Добро. Они приходят в мир, принимают его, впускают в себя. Живут. Для них мир – чудо!

Недавно довелось посмотреть фильм о молодых людях, которых снимают в кино, начиная с детского сада. Проходит семь лет, и по замыслу режиссёра с каждым из них снова записывают видеоинтервью. Задают одни и те же вопросы, в основном, о том, что думают киногерои о жизни. Удивительно, но в фильме отчётливо видно, что уже в детском саду дети несли в себе всё, что проявилось во взрослом состоянии.

Но при этом взросление не давало каких-то преимуществ. Наоборот – ощутимы были потери. И главная из них – утрата гениальности. В детстве все они были маленькими гениями, уверенными в себе, уверенными в том, что мир есть Добро. Постепенное узнавание Зла отнимало у них божественность. Печально было видеть, как гениальные создания, взрослея, превращались в обычных средних людей. Неглупых, образованных, в чём-то интересных, но впечатление погасшего внутреннего света оставляло тяжкий отпечаток.

Ну, вот так, друг мой, мы с Максимом каждый раз в конце беседы и возвращались в начало пути. Оглядывались вокруг. И что же видели?

Экран рябит, идёт сотая серия бесконечного детектива, в джунглях улиц визжит ребёнок, у подъезда паркуются и отчаливают разноцветные автотабакерки... Суетно и печально. Но это потому, что потеряно детское ощущение жизни.

В общем-то, нам нужна была малость – продолжить логически наши рассуждения, то есть перейти к действиям.

Глава 2. Красноармеец

Сегодня наша беседа клонилась именно к такому кардинальному выводу. Мы говорили о том, что если взглянуть на жизнь с высоты – высоты опыта и просто с высоты – из космоса, то картина будет примерно такова – середина года, планета кипит. Этот старый перегретый котёл похож на волшебный горшочек с кашей. Кто-то когда-то неосторожно ляпнул: «Горшочек, вари!» И пошло-поехало!

И вот уже радиоактивная и нефтяная каша ползёт в океан. Мезозойские льды на полюсах и горных перевалах тают, как мороженое на блюде. Птицы падают на землю, мёртвые рыбы тысячами лежат на берегах морей, дельфины и киты выбрасываются на сушу. Матери выкидывают своих детей из окон многоэтажек, оставляют на погибель в лесу или просто на улице. Свалки мусора приобретают угрожающие всемирные размеры. Война в Ливии, Сирии, Египте, на очереди – Иран. Кризис в Европе, потоки мигрантов и беженцев, засуха в Испании, США и России, глобальные лесные пожары. Землетрясения в Сибири, на Камчатке, в Японии, Иране. Идёт суд над Брейвиком – Норвежским Стрелком, террористом, погубившим семьдесят семь человек. Абсурд, кипение и суэта. И даже грандиозное шоу будущих Олимпийских игр не делает картину более мирной.

И всё это не оставляет человеку надежд на его личную жизнь. Нет, это не то, что ты сейчас подумал, друг мой. Личной жизнью, в моём понимании, называется работа души. Тело всегда найдёт себе укромный уголок, а вот душа... В суете страстей и плотских желаний душа бесприютна. Ты бежишь в магазин или на работу, едешь в транспорте, читаешь книгу или газету – а душа в это время блуждает среди вещей и людей, и не находит себе пропитания. И так изо дня в день. Ночью стучится в сны, пытаюсь разбудить, но ты не понимаешь, кто и зачем тебя достаёт. Отмахиваешься от неясных образов, просто забываешь их утром.

Вот поэтому мы с Максимом задаём друг другу вопросы. Как будем жить дальше? Неужели вот так, как сейчас, и всегда?

Нет, мы не станем зарываться в землю, как мусульманский пророк в Татарстане. Мы уйдём в тайгу. Возьмём пример с умного олигарха Стерлигова. Строить в таёжном краю жилища с нуля – даже в этом нет необходимости. Есть же где-то брошенные деревни, крепкие дома, в которых никто не живёт. Три тысячи деревень ежегодно становятся призраками в России. Страшно даже представить себе такое количество немых, пустынных, когда-то цветущих сёл. В них рождались дети, строились новые дома, цвели яблони и картошка в огородах, бродили красавицы – коровы, кричали петухи на заборах. Шла осмысленная жизнь. Куда, в какую чёрную пропасть упало всё это? Оживить хотя бы одну из мёртвых деревень – это уже подвиг.

Мы с Максимом не олигархи, но увезти в тайгу всё необходимое, и даже мини электростанцию на солнечных батареях, это нам по силам. Ведь мы уже давно пришли к пониманию – нет смысла кипеть в общем котле. Тайга и жизнь в осознанном труде даст то, что ищем. Мы молоды, сильны, многое знаем. Имеем ли право оставаться в нашем маленьком городе? Работать бесплатно или «менеджерами» в каких-то фирмах (так мы называли менеджеров продаж) – судьба не из лучших. Судьба, в которой никогда не станешь творцом собственной жизни. Что-то удалось заработать в городской суете. И это что-то мы мечтали положить в фундамент будущего. Трудности не страшны. Страшно утонуть в болоте, захлебнуться зловонной жижей, каждую минуту ползущей из старательного неутомимого «горшочка». И не заметишь, как превратишься в призрака этого болотного царства.

Вот так, друг мой, мы решили круто изменить жизнь. Это были, пожалуй, лучшие минуты в нашем существовании – прорыв в НАСТОЯЩЕЕ. Мы оба чувствовали одно и то же – нерастроченные запасы душевной энергии требовали выхода. Город, как злой Анубис, запечатал наши души наглухо. И не собирался открывать бетонного саркофага. Помните Высоцкого: « Спасите наши души, мы бредим от удушья... Сигнал всё глуше, глуше...». Вырваться из плена могли только мы сами. Бездействовать было уже нельзя. Оставалось лишь найти адрес того места, где ещё не так давно пробивалась родничком деревенская жизнь, где стояли, дожидаясь нас, пустующие дома. И мы нашли то, что искали. Интернет – великая вещь! Справочник по всем вопросам.

Десять лет назад в горах Кузнецкого Алатау в тайге жили люди. Это было маленькое село с революционным именем Красноармеец – десятка четыре домов, молочная ферма, овчарня, луцильное производство кедровых орехов, заготовка и сушка грибов и ягод, аптечных трав, огородничество. Примерно километров сто пятьдесят до действующей автомобильной трассы, но грунтовая дорога к селу, обычно каменистая в таких местах, должна была остаться. Природе совсем не трудно стереть следы человека, но дороги всегда живут долго – земля помнит и хранит пути, по которым прошли тысячи душ. Село стояло на берегах горной реки. Чёрный Ключ – так значилось её имя на карте. Когда-то там был колхоз, потом – совхоз...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.